

390.

ESTICA

В студент. библ. № 1021. ун. б.

A-10314

А. Розенфельдъ.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

польскаго общества

въ XVI в.

и начало національной польской литературы

Цѣна 50 коп.

Доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу недостаточ-
ныхъ слушательницъ Женскаго Медицинскаго Инсти-
тута въ С. Петербургъ.

Ревель,
Тип. Ю. Г. Грессель.

A-10314

А. Розенфельдъ.

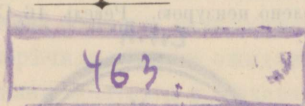
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

польскаго общества

въ XVI в.

и начало національной польской литературы.

Улв. № 424.

Цѣна 50 коп.

Ревель,
Тип. Ю. Г. Грессель.

А. Розенфельд

ДУХОВНА ЖИЗНЬ

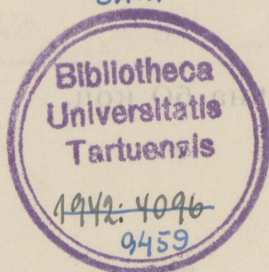
ПОДСКАЗЪ ООЩЕСТВА

на ХХ в.

и право на обществено участие

Дозволено цензурою. Ревель, 16 Сентября 1900 г.

217.А

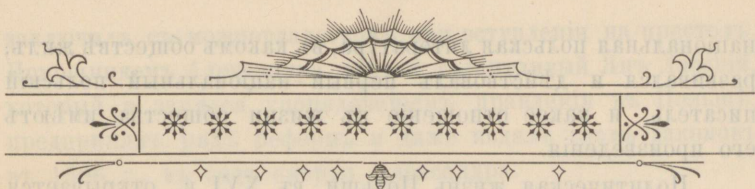

A-10314

i 42694450

Ревель

Том 10. Т. 1. Ревель

I.

XVI вѣкъ въ исторіи Польши представляетъ эпоху въ высшей степени интересную и не поддающуюся какой-либо общей характеристикѣ. Всѣ событія, происходившія во внутренней и внѣшней жизни Польши, теченія и идеи, которыя увлекали польское общество, дѣйствія отдѣльных личностей, — все это было до такой степени разнообразно и до такой степени иногда противорѣчило общимъ ожиданіямъ, что рѣзко нарушало гармонію жизни общества и создавало такую путаницу отношеній, что въ ней трудно и теперь разобраться историкамъ.

Въ началѣ XVI в. мы видимъ польское общество состоящимъ изъ слѣдующихъ сословій: духовенства, можновладства, шляхты, горожанъ и крестьянъ; во главѣ государства стоитъ король. Между этими частями польскаго государственнаго тѣла и въ XVI вѣкѣ происходитъ борьба, которая началась уже гораздо раньше и продолжалась до самаго паденія Польши, но которая въ XVI в. проявилась на очень разнообразныхъ поприщахъ, вызывалась самыми разнообразными причинами, создавала самыхъ неожиданныхъ противниковъ и союзниковъ и имѣла крайне разнообразные результаты.

Мы постараемся въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать эту борьбу, указывая только важнѣйшіе моменты и самыхъ выдающихся дѣятелей, имѣя цѣлью выяснить, при какихъ именно обстоятельствахъ, на фонѣ этой борьбы, зарождалась

національная польская литература, въ какомъ обществѣ жилъ, развивался и дѣйствовалъ первый національный польскій писатель, и какое отношеніе къ жизни общества имѣютъ его произведенія.

Политическая жизнь Польши въ XVI в. открывается царствованіемъ короля Александра литовскаго. Предшественникъ его Янъ Альбрехтъ былъ въ союзѣ со шляхтою и, при ея помощи, сломилъ силу можновладства, низведя его до значенія своего приближеннаго совѣта. Король былъ теперь королемъ не только номинально, но, завоевавъ симпатіи шляхты и получая отъ нея и войско и деньги, былъ, дѣйствительно, въ состояніи пользоваться всѣми своими правами и дѣйствовать безъ стѣсненія. Къ сожалѣнію, Александръ, который послѣ смерти Яна долженъ былъ занять польскій престолъ, долго замѣшкался въ Литвѣ, и можновладцы въ это время, освободившись отъ непосредственнаго давленія королевской власти, воспрянули духомъ и, когда Александръ пріѣхалъ въ Польшу, составили уже настолько сильную партію, что принудили короля подписать условія, для нихъ желательныя, по которымъ правленіе въ Польшѣ было только номинально монархическимъ, на самомъ же дѣлѣ олигархическимъ. Короля окружалъ сенатъ, состоявшій изъ аристократовъ и обладавшій высшею административною, законодательною и судебною властью; вся администрація королевства должна была подчиняться распоряженіямъ сенаторовъ, а не короля. Другія сословія были устранены отъ правленія.

Между тѣмъ Александръ опять уѣзжаетъ въ Литву. Сенатъ, оставшись безъ главы, оказался несостоятельнымъ принять какое-нибудь рѣшеніе въ управленіи; время проходило въ безпрестанныхъ ссорахъ, жалобахъ другъ на друга, личныхъ недоразумѣніяхъ, — и государственныя дѣла пришли въ полный беспорядокъ. Начали все громче и громче раздаваться голоса недовольныхъ правленіемъ сената. Тогда Александръ воспользовался удобнымъ моментомъ, вернулся изъ Литвы, собралъ два большихъ сейма и, вступивъ въ союзъ со шляхтою, уничтожилъ тѣ условія, которыя онъ

заклучилъ съ можновладствомъ при вступленіи на престолъ. Помощникомъ Александра явился талантливый Янъ Ласскій, который и занялся упорядоченіемъ правленія въ Польшѣ, предпринялъ рядъ реформъ и даже издалъ сводъ законовъ въ 1506 г., въ годъ смерти Александра.

Благодаря дѣятельности Александра, форма правленія опредѣлилось нѣсколько яснѣе. Душою его былъ „вальный“ сеймъ, состоявшій изъ короля, сената и представителей народа.

Сенатъ состоялъ изъ высшихъ чиновниковъ государства и не долженъ былъ ни въ чемъ стѣснять короля, составляя только его „совѣтъ“. — Шляхта имѣла своихъ уполномоченныхъ пословъ, которые составляли „посольскую избу.“ Все, что предлагалось посольской избой, или королемъ, или сенатомъ, обсуждалось на общемъ засѣданіи сейма, и если тамъ было принято, только тогда становилось закономъ. Итакъ мы видели предъ собою парламентскій строй правленія, который, можетъ быть, далъ бы Польшѣ великое и долгое будущее, если бы на польскомъ престолѣ не были короли, которые не въ состояніи были закрѣпить все это прочными законодательными постановленіями, уничтожить самую возможность развитія индивидуализаціи, которая, прекрасная сама по себѣ, приняла невозможную форму въ пресловутомъ *liberum veto*

Послѣ Александра на престолъ вступилъ Сигизмундъ I, подававшій надежды быть справедливымъ и бережливымъ правителемъ. Онъ, казалось, могъ достойнымъ образомъ завершить великое дѣло своихъ предшественниковъ.

Но ожиданія не оправдались. Сигизмундъ оказался человѣкомъ безъ энергіи, безъ всякой способности къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ точно страшился тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя ему приходилось даже не начинать, а довершать, и, вмѣсто всякихъ государственныхъ реформъ, король началъ (при помощи банкира Яна Бонара изъ Кракова) выкупать заложенные королевскія имѣнія. Онъ оказался хорошимъ хозяиномъ, увеличилъ доходы съ своихъ

имѣній, и доходы эти шли отчасти и на государственныя потребности. Но этихъ доходовъ все-таки было мало и, въ случаѣ нужды, король обращался къ сейму съ просьбой о назначеніи экстраординарныхъ податей. Сверхъ того, и въ этихъ податяхъ произошло одно коренное и невыгодное измѣненіе. Вышла изъ употребленія подать съ чиншей, и вслѣдствіе этого, самая богатая часть общества освободилась отъ государственныхъ налоговъ. Шляхта оправдывалась обязанностью нести военную службу въ „посполитомъ рушеніи“, духовенство же, въ случаѣ сильной опасности, давало иногда добровольныя пожертвованія, т. н. *subsidium charitativum*. (Бобрж. II, 33). Такимъ образомъ, состояніе финансовъ въ Польшѣ вполне зависѣло отъ случайности, отъ того или другого настроенія шляхты.

Каково же было отношеніе короля къ окружающимъ? Во первыхъ, онъ не любилъ шляхты, потому что считалъ ее очень склонной къ новшествамъ, къ возмущенію, а привязать ее къ себѣ, дать ей больше значенія и тѣмъ развить въ ней сознаніе своей неразрывной связи съ королемъ, — на это нужно было рѣшиться, но для Сигизмунда это былъ шагъ, на который онъ не былъ способенъ. Можновладство же и раньше было ближе къ королю, — вотъ онъ и рѣшилъ приблизить къ себѣ лучшихъ людей изъ этой среды; однако, найти такихъ среди корыстнаго, испорченнаго слабостью короля можновладства было почти невозможно. Безпорядокъ, подкупъ господствовали повсюду. А король, слабый до послѣдней крайности, не находилъ въ себѣ силы наказать виновныхъ, прощалъ людей, которые завѣдомо снова будутъ мошенничать, и тѣмъ окончательно подорвалъ дисциплину. Однако, такой деморализаціи высшее, да и низшее, чиновничество много обязано и женѣ Сигизмунда, итальянкѣ Бонѣ. Сигизмундъ, окружая себя аристократами, имѣлъ все-таки въ виду благородную цѣль, — улучшить управленіе при помощи преданныхъ лучшихъ людей. Хитрая Бона совершенно извратила все это. Благодаря ей проискамыя вокругъ престола собрались самые низкіе, корыстные и подлые люди. Пользуясь своимъ вліяніемъ на безхарактер-

наго мужа, она продавала должности, выдвигала полезных ей людей и окончательно забрала въ свои руки правленіе. Ея главною цѣлью было накопленіе возможно большаго богатства, для чего она не стѣснялась никакими средствами. Ея приближенные, конечно, себя не забывали. Подати, собиравшіяся на военныя нужды, шли въ личную кассу Боны; распространялись ложные слухи о нападеніяхъ враговъ, собирались подати, — но враговъ нигдѣ не оказывалось, а деньги шли опять въ руки Боны. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что шляхта поняла, куда дѣваются деньги, собранныя для войска, и на сеймахъ начали сопротивляться установленію податей, и государству грозила серьезная опасность въ критическую минуту остаться безъ денегъ. Сигизмундъ подъ конецъ точно не существовалъ, какъ правитель. Народъ, наконецъ, хотя и поздно, понялъ, что за король былъ у него, понялъ, что нечего ждать отъ этого человѣка, безъ всякаго признака воли, даже въ своихъ личныхъ дѣлахъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ его смерти, которая послѣдовала въ 1548 г. Польша радостно встрѣтила новаго короля Сигизмунда Августа, человѣка высокообразованнаго сторонника реформаціи, сумѣвшаго освободиться отъ вліянія своей матери Боны, человѣка, какъ казалось, съ характеромъ, словомъ, — способнаго поправить съ избыткомъ все, что испортилъ его отецъ.

Но судьба точно смѣялась надъ Польшей. Новый король вступилъ на престолъ и началъ свою дѣятельность просто крупнымъ неприличнымъ скандаломъ. Оказалось, что Сигизмундъ женатъ на своей любовницѣ, вдовѣ Гаштольда, урожденной Варварѣ Радзивиллѣ, женщинѣ необыкновенно красивой, но съ очень нелестной репутаціей. Для поляковъ далеко не была заманчивой перспектива имѣть своей королевой такую особу. Но король, ради личныхъ своихъ интересовъ, пожертвовалъ самолюбіемъ народа и достоинствомъ своего сана. Симпатіи, довѣріе къ королю исчезли. Кто намѣренъ былъ стать вѣрнымъ слугою его, сталъ или остороженъ въ своихъ отношеніяхъ къ нему или враждебенъ.

Посмотримъ, какое вліяніе оказалъ этотъ бракъ на образованіе партій и на отношенія между ними.

Я думаю, что партіи сразу будутъ опредѣлены, если мы припомнимъ что Радзивиллы принадлежали къ высшей литовской аристократіи. Очевидно, съ одной стороны стали вельможи съ неожиданнымъ союзникомъ королемъ, съ другой — шляхта. Но, обыкновенно, если въ какой-либо партіи, особенно, каждый членъ которой стремится къ своей личной выгодѣ, если въ ней особенно выдѣлится одна личность, — у нея всегда найдутся враги среди своей же партіи. Точно то же было и здѣсь. Могущественные и прежде Радзивиллы сдѣлались еще могущественнѣе, окружили короля и пользовались неограниченнымъ вліяніемъ на него. Этого очень опасались другіе паны и стали въ оппозицію Радзивилламъ. Далѣе, какъ мы сказали, бракъ короля съ Варварой не могъ не возбудить негодованія среди гордыхъ вельможъ, которые не хотѣли имѣть своей королевой женщину такого не безупречнаго поведенія. Шляхта же была недовольна тѣмъ, что, при наступившемъ порядкѣ вещей, преобладаніе можновладства опять увеличится, и она опять потеряетъ ту долю участія въ правленіи, которой она добилась. Всѣ эти недовольные соединились и образовали сильную партію, во главѣ которой былъ Петръ Кмита, ставшій въ оппозицію королю не изъ какихъ-либо высшихъ или сословныхъ побужденій, а просто потому, что король его обидѣлъ, довѣривъ устройство своего брака не ему, а гетману Яну Тарновскому. Сторону недовольныхъ приняли и епископы. Шляхта громко требовала отъ короля удаленія Варвары, а епископы брались дать разводъ. На сеймѣ 1548 г. было много шума, но Сигизмундъ Августъ въ этомъ личномъ своемъ дѣлѣ былъ настойчивъ, и шляхта, ничего не добившись, только возбудила крайнее нерасположеніе короля. Можновладцы получили еще шансы въ свою пользу. Тѣ, которые вмѣстѣ съ шляхтой ратовали противъ короля на сеймѣ, когда дѣло не удалось, бросали своихъ недавнихъ союзниковъ и превратились въ послушныхъ слугъ короля. Глава недовольныхъ Кмита, спустя нѣкоторое время, тор-

жественно принималъ короля съ коронованной уже Варварой въ своемъ замкѣ въ Висничѣ. Но возвышеніе однихъ влечетъ за собою униженіе другихъ, и Тарновскій, устроившій бракъ короля съ Варварой, началъ отступать на второй планъ. Гордый гетманъ былъ глубоко оскорбленъ и готовъ былъ поднять новое возмущеніе. Неизвѣстно, кто вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой новой борьбы, если бы обстоятельства не выставили на первый планъ другого дѣла. Можно-владцамъ очень хорошо жилось при существующемъ порядкѣ вещей, и они всѣми силами старались удалить даже самую возможность какихъ-либо измѣненій въ правленіи. Чуть появится малѣйшая опасность съ этой стороны, они сплочиваются и образуютъ дружную партію. Но шляхта чувствовала на себѣ всю тяжесть отсутствія порядка и преобладанія вельможъ. Не добившись ничего въ союзѣ съ панами, она рѣшила своими собственными силами защищать свои права. На сеймѣ 1550 г. шляхта пришла къ слѣдующему, очень несложному, на первый взглядъ рѣшенію: потребовать „исполненія законовъ“. Это явленіе очень характерное для того времени. Это значило — потребовать полной реформы всего существующаго порядка, но основываясь на существующихъ же законахъ. Законы есть и законы хорошіе, но они попираются можно-владцами, а король и не пытается защитить ихъ святость и неприкосновенность, не обращаетъ вниманія на то, какъ они исполняются. Сигизмундъ, при вступленіи на престолъ, присягнулъ, что будетъ уважать и исполнять законы, и теперь отъ него требовали исполненія этой клятвы. Шляхта могла дать ему очень образованныхъ и способныхъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, и Сигизмундъ при помощи ихъ могъ бы уменьшить вліяніе вельможъ и, опираясь на благодарную шляхту, создать себѣ сильную власть. Но Сигизмундъ-Августъ оказался достойнымъ сыномъ Сигизмунда I, когда дѣло требовало рѣшительныхъ дѣйствій. Та же нерѣшительность, то же желаніе подождать, какъ-нибудь примирить, — но, къ сожалѣнію, не было того благородства и честности стремленій, которые отличали Сигизмунда Старого. Сигизмундъ-Августъ ничѣмъ не помогъ шляхтѣ.

Вотъ какъ сурово характеризуетъ его польскій историкъ: „Сигизмундъ-Августъ превышалъ своего отца неоспоримымъ талантомъ. На мѣсто благородной, но добродушной откровенности Сигизмунда Старого онъ наслѣдовалъ отъ матери итальянскую страстность и скрытность. Никто лучше его не зналъ людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, никто не умѣлъ лучше воспользоваться ими для своихъ цѣлей, никто такъ мало не задумывался надъ средствами, ведущими къ цѣли. Къ сожалѣнію, король умѣлъ съ несравненнымъ мастерствомъ играть только на грязныхъ, фальшивыхъ струнахъ челоѳическаго сердца, но никогда не могъ воспользоваться чистыми благородными струнами, не могъ пробудить ихъ отъ временнаго оцѣпенѣнія, какъ будто сомнѣвался въ ихъ существованіи.“

Сигизмунду, кромѣ предложенныхъ шляхтой, предстояло рѣшить громадныя религіозныя, общественныя и политическія задачи. Но для рѣшенія этихъ задачъ нуженъ былъ характеръ, нужны были твердыя убѣжденія, самостоятельность и ясность взгляда. Сигизмундъ Августъ не былъ такимъ. Онъ не могъ понять, что продолжительность и увеличеніе его могущества зависятъ отъ угнетенной шляхты. Онъ не понималъ, что, если шляхта и возставала, то исключительно потому, что ей было очень тяжело, что дерзко попирались ея священныя права; ею не преслѣдовались какія-либо корыстныя цѣли, которыя создавали можновладческую партію. Король, напротивъ, подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ хотѣлъ даже окончательно подорвать значеніе послѣдняго оплота шляхты — посольской избы. На малыхъ сеймикахъ вельможи, конечно, имѣли большое значеніе и, пользуясь имъ, они думали возстановить эти сеймики противъ пословъ, а потомъ король на общемъ сеймѣ открыто обвинилъ бы пословъ передъ шляхтой въ томъ, что они только возмущаютъ ее, преслѣдуя свои личныя цѣли. Но этотъ замыселъ не удался. Послы отстояли свое достоинство и получили отъ шляхты еще большія полномочія. Къ тому же два знаменитые ученые развили программу шляхты въ обширныхъ сочиненіяхъ. Яковъ Пржилуцкій, юристъ, написалъ

проектъ кодекса (1553), въ которомъ изложилъ новое общественное и политическое устройство, и подробно мотивировалъ его. Андрей Фрычъ Модржевскій, моралистъ и политикъ, охватилъ его съ двухъ другихъ сторонъ въ сочиненіи о реформѣ Рѣчи Посполитой (1551 и 1555) и, дополнивъ его во многихъ отношеніяхъ, особенно указывалъ на необходимость улучшеній въ судьбѣ сельскаго люда“ (Бобр. II, 76.).

Теперь невозможно было королю ничего не сдѣлать въ этомъ направленіи. Интересно, какъ выпутался Сигизмундъ въ этомъ случаѣ. Онъ согласился, что, дѣйствительно, многое надо исправить, но при этомъ заявилъ, что самъ онъ не признаетъ за собою права выбирать и объяснять тѣ законы, которые надлежало выполнить, и потому пусть самъ сеймъ займется этимъ дѣломъ, — соберетъ и объяснитъ законы, и тогда можно будетъ приступить къ ихъ выполнению“. Этого, собственно, и нужно было вельможамъ. Въ безконечныхъ спорахъ и совѣщаніяхъ приходило время, и если случайно приходили къ какому-нибудь заключенію, — обращались за окончательнымъ рѣшеніемъ къ королю, а тотъ, обыкновенно, откладывалъ рѣшеніе до завтра и, наконецъ, совсѣмъ уничтожалъ проектъ. Такое поведение Сигизмунда и создало ему прозвище „dojutrzek“, т. е. „завтрашникъ“. Наконецъ, шляхта не вытерпѣла и готова была съ оружіемъ въ рукахъ требовать своего; много и горячо говорили, страна ждала вооруженнаго возстанія, но дѣло кончилось одними разговорами, шляхта упустила удобный моментъ и, казалось, по крайней мѣрѣ, въ это царствованіе ея пѣсенка была спѣта.

Но тутъ случилась Ливонская война, которая не дала тѣхъ результатовъ, какихъ слѣдовало Польшѣ ожидать. У короля не было достаточно войска и не было денегъ на содержаніе его. Сеймы задерживали деньги потому нерѣдко, что вельможи и духовенство были свободны отъ податей, а измученная шляхта просто отказывалась платить. Это открыло, наконецъ, Сигизмунду глаза на то, гдѣ ему слѣдуетъ искать дѣйствительной поддержки. Онъ увидѣлъ, что

вельможи только судятъ да рядятъ, и ничѣмъ существеннымъ помочь не собираются, и обратился въ шляхтѣ, соглашаясь, по ея программѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, улучшить общее положеніе дѣлъ. Представители шляхты, посольская изба, желали: 1) упрочить полное свое преобладаніе на сеймикахъ и добыть себѣ неограниченное полномочіе отъ шляхты; 2) удержать среди себя самой голосованіе большинствомъ, которое фактически уже создавалось; 3) провести то понятіе, что сенатъ есть только приближенный совѣтъ короля, не имѣющій никакого самостоятельнаго значенія, что король можетъ поступать согласно мнѣнію даже меньшинства сената. Предлагалась реформа чиновничьей іерархіи и судебныхъ учреждений. Но опять же и для этого нужна была сила воли, т. е., нужно было то, чего не было у Сигизмунда-Августа. Страхъ передъ можновладцами сдѣлалъ то, что малѣйшее ихъ сопротивленіе перетянуло чашу вѣсовъ на ихъ сторону, и всѣ желанія шляхты, которыя, казалось, вотъ-вотъ исполнятся ко благу Рѣчи Посполитой, — погибли. Такъ безхарактерный, не проникнутый высокимъ сознаніемъ своего достоинства король губить все хорошее, что могло бы спасти отъ разложенія государство и что создало бы ему блестящее царствованіе и благодарную память потомства.

Безумная расточительность, разнузданная развратная жизнь Сигизмунда и его двора въ послѣдніе годы его жизни еще болѣе усилили нерасположеніе къ нему народа; наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшаяся смерть короля наступила 7 іюля 1572 г. Домъ Ягеллоновъ прекратился.

Прошло время безкоролевья. На престолъ вступилъ Стефанъ Баторій. Наконецъ, Польша дождалась энергичнаго, умнаго короля.

Но что могла сдѣлать даже и эта выдающаяся личность среди современнаго ей общества? Кругомъ всѣ, точно передъ гибелью, въ какомъ-то бѣшенomъ упоеніи старались насладиться всѣми благами жизни, пили полной чашей всѣ наслажденія, какія только могутъ дать богатство, знатность, полное отсутствіе какой бы то ни было сдерживающей власти

и заботъ о завтрашнемъ днѣ. Какъ рѣзкая фальшивая нота въ этомъ безумномъ концертѣ тогдашней жизни раздавался голосъ Стефана, призывавшій опомниться, понять, что отечество гибнетъ. . . . И раньше еще раздавались такіе же призывы и послѣ, — но они заглушались громкимъ хоромъ ликующей толпы, непріятно поразивъ только ближайшихъ слушателей. А устами этихъ людей взывалъ самъ народъ, сама отчизна. Ея не услышали, и она начала катиться къ пропасти по наклонной плоскости. . . .

Вѣроятно многіе замѣтили, что я до сихъ поръ ничего не говорилъ о горожанахъ и крестьянахъ. Но что же можно говорить о тѣхъ, которые почти все время жили, такъ сказать, своею домашнею жизнью, въ отдаленіи отъ всякой жизни общественной?

Сельское населеніе до начала XVI в. было свободнымъ, сохраняло право безпрепятственнаго перехода. Во главѣ населенія стоялъ выборный „солтысь“, который вѣдалъ всѣ нужды деревни, и по отношенію къ членамъ селенія и по отношенію къ государству. Солтысами были богатые уже сами по себѣ поселяне; кромѣ того, въ вознагражденіе за свои труды по общественной службѣ, они получали въ свое пользованіе значительные земельные участки изъ общественныхъ земель и пользовались кое-какими привилегіями, такъ что солтысство являлось довольно выгодной должностію. Хозяйство велось хорошо, села богатѣли. А шляхта, отвлекаемая военной службой, вела хозяйство кое-какъ, бѣднѣла и завидовала богатству сосѣднихъ поселянъ. Кромѣ того, общеніе съ чужими землями усиливалось, торговля съ иностранцами развивалась; крестьяне продавали, наживались, а шляхта только смотрѣла. И вотъ возраставшій недостатокъ средствъ, торговая горячка, которая охватила постепенно и значительную часть средней шляхты, надоумили шляхту бросить оружіе и взяться за плугъ. Солтысства были лакомымъ кускомъ. Борьба съ солтысами была не трудна. У нихъ не отнимали земли, но принуждали ихъ продавать земли шляхтѣ, и крестьянское населеніе, увидя своими солтысами шляхту, поняло, что потеряло своихъ защитниковъ, своихъ повѣренныхъ;

оно чувствовало, что, вмѣсто прежней достаточной, спокойной жизни, ночнутся притѣсненія, поборы, бѣдность. Это скоро начало оправдываться, и крестьяне массами начали уходить въ Русь. Шляхтѣ грозила опасность остаться безъ крестьянъ; тогда начали издаваться указы, все болѣе и болѣе стѣснявшіе свободу переселенія, пока, наконецъ, въ 1521 году на сеймѣ не было рѣшено прикрѣпить крестьянина къ землѣ и къ пану, а въ знакъ подданства обязали его работать на панской землѣ одинъ день въ недѣлю. Впослѣдствіи панщина увеличилась. Крестьянинъ терялъ всѣ свои прежнія права и привиллегіи. Судебная власть надъ ними передана была ихъ владѣльцамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Съ тѣхъ поръ крестьянинъ начинаетъ влечить свое безпросвѣтное существованіе крѣпостного подданнаго.

Обратимся къ городамъ. Населеніе ихъ состояло, главнымъ образомъ, изъ нѣмцевъ и евреевъ и пользовалось магдебургскимъ правомъ, было свободно отъ податей и военной службы. Торговля и ремесла обогатили мѣщанъ, а богатство дало возможность очень многимъ изъ нихъ получать высшее и лучшее по тому времени образованіе. Постепенно они забывали нѣмецкій языкъ, а съ распространеніемъ гуманистическаго образованія вводили въ употребленіе латинскій. Когда же, о чемъ мы будемъ говорить ниже, гуманизмъ оказалъ свое благотѣльное вліяніе на польскую образованность, когда польскій языкъ сталъ языкомъ всего общества, тогда и мѣщане начали говорить по-польски и такимъ образомъ готовили безсознательно болѣе легкое свое сближеніе съ остальнымъ населеніемъ. Матеріальная сила горожанъ была очень велика; имъ принадлежала вся торговля, имъ принадлежали громадныя имѣнія. Но они долго упорно отказывались отъ участія въ политической жизни государства и военной службѣ. Это ихъ погубило. Въ 1496 г. шляхта постановила, что кто не несетъ военной службы, тотъ не можетъ имѣть земельныхъ владѣній. Шляхта была сильна, и горожане, одинъ за другимъ, теряли свои богатыя имѣнія. Наиболѣе вліятельные краковскіе мѣщане получили особыя привиллегіи, отдѣлились отъ осталь-

ныхъ горожанъ и постепенно переходили, благодаря громаднымъ богатствамъ, въ сенаторскія кресла и ряды вельможъ. Потомъ, были отняты у горожанъ цеховыя и купеческія привиллегіи, стѣснена была торговля; но горожане долгое время еще сохраняютъ свое самоуправленіе и тутъ шляхтѣ предстоитъ еще тяжелая борьба. Но, главное, прежняя сплоченность горожанъ въ XVI в. была уже уничтожена, торговля и ремесла стѣснены, многія состоянія разорены; все это перешло къ высшей шляхтѣ, которая умѣла только проживать, но не умѣла наживать, презирая все, кромѣ военной службы и политической дѣятельности. Еврейское населеніе городовъ не было признано вполне правоспособнымъ, но сумѣло сдѣлаться необходимымъ для шляхты, являясь то „факторами“, то „арендаторами“, то снабжая промывавшихся шляхтичей деньгами.

Что же касается духовенства, то оно, какъ сословіе, еще въ XV в. утратило самостоятельное значеніе. Именно, въ 1496 г. былъ изданъ законъ, по которому значительныя духовныя должности могли быть занимаемы людьми только шляхетскаго происхожденія. Такимъ образомъ, вліятельное духовенство и шляхта должны были составить одну партію, и люди низшаго сословія не могли уже, несмотря и на свое образованіе, занимать сколько-нибудь значительную должность. Исключеніе дѣлалось только для получившихъ докторную степень, которымъ предоставлялись высшія мѣста, независимо отъ ихъ происхожденія. Но духовенство, владѣвшее громадными бенефиціями и дрожавшее за свои доходы, вело себя очень политично оно не преслѣдовало какой-нибудь идейной цѣли, не стояло за чьи-нибудь права, а просто приставало туда, гдѣ ему было выгодно, и въ политическомъ отношеніи оно играло роль значительнаго вспомогательнаго средства въ борьбѣ партій.

Указавъ на главнѣйшіе пункты проявленія внутренней политической жизни Польши, указавъ, какъ мало въ ней было устойчиваго, постояннаго, и какую роль играли здѣсь послѣдніе Ягеллоны, перейдемъ къ обрисовкѣ того духовнаго состоянія польскаго общества, на фонѣ котораго по-

явился и дѣйствовалъ родоначальникъ національной польской литературы.

XVI в. застаеъ въ Польшѣ самый расцвѣтъ гуманизма, который могучимъ потокомъ охватилъ Польшу въ послѣднее десятилѣтіе XV в. Достатко позволялъ множеству молодыхъ людей ѣздить за границу въ иностранные университеты, особенно въ итальянскіе, гдѣ процвѣтала не мертвая схоластика, а „возродившаяся древняя литература, міръ грековъ и римлянъ, полный чарующей прелести, полный свободы и поэзіи, цѣликомъ построенный на ощущеніи законченной классической красоты“. Новый духъ проникъ и во всѣ существовавшія уже тогда школы; онъ же содѣйствовалъ открытію цѣлой сѣти новыхъ школъ, высшихъ и низшихъ, появленію учебной литературы новаго характера. Меценаты другъ передъ другомъ старались о насажденіи новаго просвѣщенія въ Польшѣ; каеэдры занимались извѣстными гуманистами поляками и иностранцами. Латинскій языкъ сдѣлался разговорнымъ языкомъ образованнаго класса, постоянное общеніе съ иностранцами вліяло и на внѣшность, на манеры, на образъ жизни, и польское общество быстро измѣнялось. Особенно быстро пошло это дѣло со времени пріѣзда Боны, которая привезла съ собою много итальянцевъ, придворныхъ и ученыхъ. Царствованіе Сигизмунда I. украшали три поэта, писавшіе по-латыни: Андрей Кржицкій, Янъ Дантышекъ и Яницкій. А на поприщѣ науки прославилъ поляковъ Коперникъ. Кромѣ того, такое развитіе образованности въ Польшѣ давало послѣдней могучее оружіе въ борьбѣ съ востокомъ. Въ Литвѣ господствовала культура русская, которая туго подвигалась впередъ въ своемъ развитіи, а тутъ Польша пріобрѣтала, благодаря своему быстрому культурному росту, сильное оружіе, давшее ей несомнѣнный перевѣсъ, что вскорѣ и оправдалось. На этомъ свѣтломъ фонѣ общаго развитія темнымъ пятномъ является Краковская Академія. Профессора ея, по выраженію Бобржинскаго, „защищая свой кусокъ хлѣба и свое значеніе, отстаивали какъ схоластику, такъ и ту монополію науки для всей Польши, какая была признана за ними

привиллегіей". (Б. II, 50). Всѣ усилія гуманистовъ реформировать университетъ были напрасны.

Академія замкнулась въ своихъ стѣнахъ; въ нее поступали теперь небогатые мѣщане, а самый вліятельный классъ, шляхта, миновала ея негостепріимныя стѣны и уѣзжала къ первостойчику просвѣщенія — въ Италію. Академія была оторвана отъ жизни — и падала. Съ другой стороны, гуманизмъ польскій весь былъ привозной; у него не было въ Польшѣ надежнаго пристанища, не было учрежденія, гдѣ бы онъ могъ свободно развиваться и воздѣйствовать на всю массу, подогрѣвая своимъ вліяніемъ интересъ къ дальнѣйшему ученію. И это отсутствіе университета гибельно отозвалось на польскомъ гуманизмѣ. Онъ началъ, такъ сказать, мельчать, интересы и задачи его понизились. Осталось стремленіе только къ внѣшней сторонѣ гуманизма, — владѣнію латинскимъ языкомъ, поверхностному общему знакомству съ классической литературой. Такой не высокій уровень гуманистическаго образованія отозвался на литературѣ того времени: это сплошное, слѣпое и безвкусное подражаніе классикамъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, переводы изъ иностранныхъ современныхъ авторовъ quasi — гуманистическаго направленія; а научныя произведенія поражаютъ своими низкими достоинствами или, вѣрнѣе, полнымъ отсутствіемъ всякихъ достоинствъ. Литература не дала ничего оригинальнаго, ничего, что въ состояніи было бы пережить автора, что могло бы представить живой интересъ для потомства, какъ дорогое наслѣдіе старины.

Больше всего изъ всѣхъ наукъ шляхту интересовало римское право. При этомъ произошла любопытная вещь. Конечно, о глубокомъ и полномъ изученіи науки не могло быть рѣчи; обыкновенно, усваивались толкованія о свободѣ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ тиранніи, и молодежь, казалось, была проникнута живительнымъ духомъ стремленія къ свободѣ; но это было понято въ самой грубой формѣ, и не осталось безъ вліянія на гибель Польши; эта просвѣщенная, свободолюбивая шляхта преспокойно угнетала польскаго крестьянина, оправдываясь, что вѣдь греки и римляне также имѣли рабовъ!

Далѣе, съ одной стороны, гуманизмъ, освободивъ польскую молодежь отъ оковъ схоластики, изученіемъ новыхъ предметовъ отвлекъ вниманіе отъ вопросовъ богословскихъ, ослабилъ обаяніе ученія о непреложности истинъ католицизма; съ другой стороны, — полная поэзія и красоты религія древнихъ невольно увлекала наиболѣе впечатлительные умы, заставляла скептически относиться къ холодному, дѣланному настоящему, возбуждала разные сомнѣнія, словомъ, подготавливала почву для чего-то новаго, болѣе живого, болѣе свѣжаго. Вотъ этимъ-то новымъ и явилась реформація, оказавшая Польшѣ неоцѣненные услуги въ развитіи ея родного языка и литературы.

Реформація въ Польшѣ была, конечно, также явленіемъ наноснымъ. Ея появленіе и распространеніе совершалось тихо, незамѣтно, не возбуждая той ожесточенной борьбы, которой она сопровождалась въ Западной Европѣ. Причина этого заключалась въ томъ, что она въ Польшѣ не являлась такимъ народнымъ дѣломъ, какъ въ Зап. Евр., не была освобожденіемъ отъ тягостнаго ига католическаго духовенства, какъ тамъ. Зависимость католической Польши отъ Римской Куріи была далеко не такъ сильна, какъ въ другихъ католическихъ странахъ, и даже папы нѣкоторое время считали Польшу совѣтъ потерянной для себя. Реформація привилась въ Польшѣ, какъ самое новое ученіе, дававшее свободу мысли и не давившее человѣка своею авторитетностью. Поляки же, по выраженію Дубецкаго, были очень падки „на всякую новую мысль, на всякое измѣненіе понятій“ (Dub. Hist. lit. p. I, 164) и реформація начала быстро распространяться. Особенно быстрому распространенію ея много способствовали слѣдующія причины. Города, какъ мы уже раньше замѣтили, были заселены въ весьма значительной степени нѣмцами, и тамъ реформація находила себѣ самый радушный пріемъ. Духовенство польское было крайне испорченное, но не фанатичное. Высшія должности, какъ извѣстно, замѣщались людьми шляхетскаго сословія, и нерѣдко раздавались королями въ награду за заслуги людямъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго призванія быть духовными лицами, но жаднымъ

къ богатству, которое могли доставить епископскія бенефиціи. На такія должности нерѣдко попадали люди очень образованные и проникнутые далеко не благовѣрнымъ католическимъ духомъ. Наконецъ, молодежь попрежнему безпрепятственно уѣзжала въ иностранные университеты, но теперь уже не только итальянскіе, а и нѣмецкіе, гдѣ нельзя было не познакомиться съ реформаціей. Все это, несомнѣнно, способствовало поразительно быстрому распространенію новаго ученія въ Польшѣ. Но реформація не затрагивала никакихъ политическихъ вопросовъ, поэтому ея не стѣсняли, не преслѣдовали, и, хотя Сигизмундъ Старый издалъ указъ противъ нововѣрцевъ, но послѣдніе вели себя такъ хорошо, что объ этихъ указахъ въ концѣ концовъ забыли. Кромѣ того, незадолго передъ появленіемъ реформаціи въ Польшѣ сильны были симпатіи къ гусситскому ученію, и эти симпатіи хотя были подавлены, однако уже послужили какъ бы прелюдией къ реформаціи. Спокойное движеніе реформаціи не возбуждало опасенія и ненависти въ католическомъ населеніи, а только сильнѣе возбудило старыя мечты объ измѣненіи строя церковной жизни въ Польшѣ и созданіи самостоятельной польской церкви, управляющей церковнымъ соборомъ, подъ предсѣдательствомъ короля. Но для этого нуженъ былъ король не такой, какими были послѣдніе Ягеллоны. Сигизмундъ Старый, хотя и не преслѣдовалъ энергично приверженцевъ новой вѣры, среди которыхъ оказывались даже католическіе епископы, однако всѣ знали, что самъ онъ католикъ, что при немъ будетъ господствовать католическая церковь. Не то было при Сигизмундѣ Августѣ. Этотъ человекъ не высказывался ни за старую ни за новую церковь. Одни расчетливые епископы держали сторону реформаціи, полагая, что и король пойдетъ съ ними, другіе, не менѣе расчетливые, крѣпко держались католичества, надѣясь на то же. Движеніе реформаціи вызвало созваніе Тридентскаго Собора, который окончательно утвердилъ истинность только католической церкви и поставилъ дѣло такъ, что необходимо было рѣшительно высказаться или за реформацію или за католичество. Но Сигизмундъ все время лави-

ровалъ, не рѣшаясь высказать окончательно свое рѣшеніе. Оба исповѣданія были въ крайне неопредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Въ это время энергичными и талантливыми защитниками католицизма явились епископъ вармійскій Гозій и папскій легатъ Коммендоне. Послѣдній уже достигъ того, что король почти соглашался удалить иноземныхъ сектантовъ; католики торжествовали и ждали королевскаго указа. Связь съ Римомъ крѣпнеть. Но тутъ завязываются сношенія Рима съ великимъ княземъ московскимъ, сношенія, могущія окончиться печально для Польши. Августъ перехватываетъ письма изъ Рима въ Москву и тайнаго папскаго посла Каноби. Связь съ Римомъ должна порваться, значеніе папы для Польши уничтожается; и сторонники національной церкви въ свою очередь радуются. Но вотъ Августъ задумалъ развестись съ бездѣтной женой своей Екатериной Австрійской, чтобы жениться снова. Римъ развода не дастъ, — католическая церковь развода не признаетъ, — а новое вѣроученіе даетъ разводъ безпрепятственно; и Сигизмундъ уже высказывался въ смыслъ очень благопріятномъ для реформаци. Признаніе послѣдней было уже дѣломъ рѣшеннымъ, и ея сторонники также торжествовали.

Тогда снова выступилъ Каммендоне, силою своего ума и краснорѣчія удержалъ короля отъ этого шага и провелъ иную программу дѣйствій. Противъ католичества боролись чешскіе братья, кальвинисты и лютеране; но эти партіи далеко не были дружными союзниками противъ общаго врага, а относились нерѣдко враждебно другъ къ другу. Гозій и Коммендоне требовали или эдиктовъ противъ всѣхъ сектъ или, въ крайнемъ случаѣ, одинаковаго снисхожденія ко всѣмъ. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ враги были бы уничтожены однимъ ударомъ, во второмъ — секты во взаимныхъ ссорахъ и спорахъ сами скоро погубили бы другъ друга.

Что сектантство недолговѣчно, это Гозій и Коммендоне видѣли ясно. Сектанты вели себя въ высшей степени не тактично. Сплошь и рядомъ случалось, что одна секта требовала эдиктовъ противъ другой. На сеймахъ сектанты

публично съ ожесточеніемъ выступали другъ противъ друга. Этимъ они съ самаго начала уронили себя въ глазахъ общества и возбудили недовѣріе къ себѣ. Многіе ревностные поборники новыхъ ученій начали охладѣвать и подумывали о возвращеніи въ лоно католической церкви, которая, благодаря энергичной дѣятельности Гозія, Коммендоне и нѣк. др., начала очищаться отъ своихъ недостатковъ. Когда сектанты, наконецъ, поняли, гдѣ кроется причина охлажденія къ нимъ, и увидѣли усиленіе католичества, они рѣшили, что надо прійти къ какому-либо соглашенію. Послѣ долгихъ и бурныхъ предварительныхъ сѣздовъ, они собрались въ Сандомирѣ (въ 1570 г.) и заключили союзъ для общей защиты противъ посяганій католиковъ. Союзники также думали, что король признаетъ ихъ объединенное вѣроисповѣданіе, но ошиблись. Результатомъ ихъ настойчивости было только запрещеніе свѣтскимъ властямъ приводить въ исполненіе церковные приговоры, т. е., вводилась вѣротерпимость, какъ слѣдствіе извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, а не убѣжденія и просвѣщенной гуманности.

Католичество же имѣло за собой въ Польшѣ исторію, имѣло уже давно существовавшую, хотя и распатанную организацію, могло, наконецъ, получить сильную помощь изъ Рима. Ничего подобнаго не было у реформациі. Новое ученіе, распространявшееся хотя и безпрепятственно, но съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей, было принято наиболѣе образованнымъ классомъ и не имѣло корней въ народѣ. Оно не было признано официально, ни откуда не имѣло помощи, не имѣло прочной организаціи, центра, который объединялъ бы новообращенныхъ и руководилъ ими. Безъ этого центра, какъ стадо безъ пастуха, протестанты разбились на множество сектъ, и такимъ образомъ потеряли всякую силу.

Въ такомъ положеніи оставилъ Сигизмундъ-Августъ религіозныя партіи въ Польшѣ. Вскорѣ послѣ него началась реакція въ пользу католичества. Здѣсь главную роль сыграли іезуиты, которыхъ Гозій еще въ 1564 г. призвалъ въ

Браунсбергъ и другія мѣста, но которые тогда еще не имѣли большой силы.

Я выше упомянулъ о томъ, что реформаціи Польша обязана развитіемъ своего родного литературнаго языка, вмѣсто латинскаго, которымъ она исключительно пользовалась въ литературѣ до половины XVI в.

Отличительною особенностью реформаціи были: повѣдь на народномъ языкѣ, свободное, широкое пользованіе библіей и истолкованіе ея. Последнее обстоятельство имѣло два важныхъ слѣдствія. Во-первыхъ, усиливался духъ критики, который, дѣйствуя развивающимъ образомъ на умы, вызывалъ скептическое отношеніе къ существующему порядку, выбиралъ лучшее изъ стараго и создавалъ хотя, м. б., и смутные, идеалы, къ которымъ стремились лучшіе люди. Во-вторыхъ, широкое пользованіе библіей, истолкованіе ея требовало широкаго же распространенія ея въ переводѣ на понятный всѣмъ не-латинскій языкъ и улучшенія существующихъ переводовъ. Наконецъ, религіозная полемика между сторонниками новыхъ теорій и старыхъ, борьба, которая носила исключительно литературно — полемическій характеръ, такъ какъ короли, какъ мы видѣли, не помогали силой ни одной ни другой партіи, борьба эта тѣмъ сильнѣе вызывала появленіе массы брошюръ, объясненій на народномъ языкѣ и стремилась къ возможно большому распространенію этихъ польскихъ брошюръ среди народа.

Печатаніе переводовъ и оригинальныхъ произведеній, печатаніе библіи и полемическихъ сочиненій и брошюръ вызвало появленіе множества типографій въ городахъ, мѣстечкахъ и даже при дворахъ богатыхъ вельможъ. Во главѣ этихъ типографій нерѣдко стояли люди очень образованные, которые понимали, что надо печатать и какъ печатать, прекрасно знавшіе языкъ и много способствовавшіе его развитію.

Разъ польскій языкъ получилъ права гражданства въ духовной и полемической литературѣ, онъ потихоньку началъ проникать и въ свѣтскую литературу. Но произведенія свѣтской литературы были слишкомъ незначительны по

содержанію и по размѣру, такъ что, не появивсь болѣе крупныя произведенія сильнѣйшаго таланта, они долго еще не дали бы начала господству родной рѣчи въ свѣтской польской литературѣ.

Языкъ же польскій къ этому времени значительно обогатился заимствованіями изъ сосѣднихъ славянскихъ языковъ. Эти-то заимствованія, съ одной стороны, а потомъ, бѣльшая культурная близость Малой Польши съ востокомъ и Великой Польши съ западомъ, съ другой стороны, вліяли на возникновеніе значительной разницы въ говорѣ малополянъ и великополянъ. Когда же поднялся вопросъ о дарованіи правъ гражданства польскому языку, то возникло какъ бы сомнѣніе, какое же нарѣчіе удостоится великой чести стать литературнымъ языкомъ націи.

„Было время въ началѣ XVI в. — говоритъ Дубецкій, (Hist. lit. P. II, 169, 170) — когда задумывались, взять ли какое-нибудь нарѣчіе, какой-нибудь народный говоръ и пользоваться имъ, какъ литературнымъ языкомъ, или же всѣ ихъ оттѣнки слить воедино и создать языкъ литературный. На зарѣ нашей національной литературы употребляли различные говоры; казалось, пробовали, какой окажется болѣе удобнымъ, чтобы изъ него создать языкъ книжный; но уже вскорѣ начала преобладать рѣчь малопольская, чему способствовали многія причины. Вліяніе Малой Польши . . . было весьма значительнымъ какъ въ области политической, такъ и въ области умственной. Малополяне отличаются на различныхъ поприщахъ дѣятельности: они стоятъ впереди въ процессѣ историческаго развитія; ихъ языкъ есть языкъ первыхъ народныхъ писателей; съ теченіемъ времени все больше появляется талантовъ среди малополянъ или на Руси, гдѣ языкъ польскій развился по образцу малопольскаго. Столица королей, главное мѣсто народныхъ собраній, гдѣ помѣщалась Академія, Краковъ — городъ малопольскій; языкъ, который звучалъ на устахъ руководителей народа, на сеймѣ, при дворѣ (когда тамъ началъ выходить изъ употребленія языкъ чешскій, бывшій языкомъ моды до XV в.), въ можновладческихъ замкахъ, на проповѣднической кафедрѣ,

— былъ языкъ Малой Польши. Все это указывало, что малопольское нарѣчіе возьметъ верхъ, и, дѣйств., оно рано начало первенствовать, пока не стало окончательно языкомъ только что зарождающейся литературы. Языкъ малополянъ является языкомъ литературнымъ въ первой половинѣ XVI в.

Но борьба съ могуществомъ латинскаго языка въ литературѣ въ первой половинѣ XVI в. была для польскаго языка еще слишкомъ не по силамъ. Одинокое гдѣ-нибудь раздававшійся звукъ польской рѣчи заглушался громкимъ хоромъ писателей-латинистовъ, которые въ большинствѣ случаевъ сами любовались не столько красотой стиля или красотой поэтическихъ образовъ, которые они хотѣли представить, сколько наслаждались самымъ процессомъ созданія звонкаго стиха и стремленіемъ приблизить его къ идеалу, — къ языку классическихъ произведеній. Конечно, если все вниманіе, всѣ усилія истремлены на технику, на внѣшность произведенія, — не можетъ быть и рѣчи о глубокомъ и близкомъ народу содержаніи. И намъ Польша, дѣйств., даетъ мастеровъ — версификаторовъ, удивлявшихъ и въ Запад. Европѣ, но далекихъ отъ жизни общества. Картина мѣняется со второй половины XVI в. Съ неслыханною смѣлостью зазвучала родная рѣчь на устахъ Рея, Кохановскаго. Цѣлыя выраженія, выхваченныя изъ говора деревни, провинціализмы рѣзали сначала слухъ, воспитанный на изящномъ полированномъ латинскомъ стихѣ. Описываемые въ новыхъ произведеніяхъ обыкновенные люди, ихъ обыкновенныя чувства, отношенія — все это вызывало презрѣніе незначительностью описываемыхъ предметовъ. Наконецъ, ѣдкія насмѣшки на всѣмъ понятномъ, родномъ языкѣ надъ изломанностью общества, надъ пустотой и бессодержательностью его жизни поражали дерзостью. Но таково было отношеніе къ новому явленію только на первыхъ порахъ. Если не достигали своей цѣли сатиры, эпиграммы и моральные трактаты, то прочувствованныя лирическія произведенія своей простотой невольно трогали сердце, учили проще думать, проще чувствовать и открывали родной литературѣ доступъ всюду.

Сталь проще языкъ, явилась возможность писать не только о герояхъ, о побѣдахъ или королевскихъ празднествахъ, — а о предметахъ болѣе близкихъ каждому человѣку и въ частности поляку. Явилась возможность обсуждать положеніе государства не только на сеймахъ; обсужденія эти становатся достояніемъ не только людей, близко стоящихъ къ кормилу правленія. А правдивыя, полныя глубокаго, сильнаго чувства описанія родной природы, картины дремучихъ лѣсовъ, съ ихъ таинственнымъ полумракомъ, безконечныхъ зеленѣющихъ луговъ, золотыхъ полей съ зрѣющимъ хлѣбомъ, поэтическая простота обычаевъ и жизни деревни, — это возбуждало вниманіе, заставляло присматриваться къ мало-эффектнымъ, простымъ красотамъ родной природы и всѣмъ существомъ чувствовать эти красоты. Эта глубокая нѣжная любовь къ своей землѣ характеризуетъ произведенія всѣхъ польскихъ писателей, дала много прекрасныхъ описаній, достигая необыкновенной силы и красоты въ произведеніяхъ Мицкевича. Поэты были въ этомъ случаѣ выразителями чувствъ всей интеллигенціи польской. Къ сожалѣнію, это была любовь къ своимъ лѣсамъ и лугамъ, къ тѣмъ наслажденіямъ, которыя они доставляютъ. Это не была серьезная любовь къ „родинѣ“, къ народу, такъ какъ шляхта, среди наслажденій деревенской жизни, забывала о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ, жертвовала общей пользой для своей личной и угнетала народъ, въ то же время наслаждаясь его простыми поэтическими пѣснями. Были исключенія, но они были слишкомъ рѣдки и малочисленны.

II.

Гдѣ же появился человѣкъ, который нанесъ рѣшительный ударъ господству латинской литературы съ ея далекимъ отъ національной жизни содержаніемъ? Кто былъ

эта дѣльная не испорченная внѣшнимъ свѣтскимъ воспитаніемъ, колебаніемъ между старой и новой вѣрой, характеризующимъ время Сигизмунда-Августа, писатель, который съ большимъ талантомъ соединялъ прекрасное знаніе своего языка, сильную любовь къ нему, къ своему народу, къ своей родинѣ?

Это былъ небогатый шляхтицъ, почти самоучка, человѣкъ съ яснымъ практическимъ умомъ, любящій свою родину — Русь, это былъ Mikołaj Rej, herba Oksza, z Nagłowic.

Отецъ его служилъ въ войскѣ въ землѣ русской, остался тамъ при своемъ дядѣ Вонтробкѣ, епископѣ Львовскомъ, и женился. Въ 1505 г. родился отъ этого брака нашъ будущій писатель. По обычаю того времени, небогатая шляхта, жившая въ деревнѣ, удалялась отъ дорогой и шумной городской и, въ особенности, придворной жизни, и только, вѣрная своему долгу общественному, несла службу на войнѣ и при дворѣ, когда того требовали обстоятельства. Такъ и отецъ Рея, отбывъ, когда нужно было, военную службу, поселился въ деревнѣ и жилъ тамъ, не ища ни почестей ни значенія. Такая глухая деревенская жизнь, полное отсутствие интереса къ высшимъ плодамъ западной образованности, превращавшей многихъ поляковъ въ какихъ-то космополитовъ, вредно отзывалось на воспитаніи сына, хотя, м. б., это именно, какъ высказывается одинъ историкъ польской литературы, способствовало тому, что Рей сдѣлался создателемъ польской національной литературы.

Родители баловали сына, не отягощали его дѣтскій умъ науками, и мальчикъ росъ круглымъ невѣждой, что очень огорчало родныхъ и друзей. Уступая ихъ убѣжденіямъ, отецъ рѣшился отдать сына въ школу. Сначала онъ помѣстилъ его въ Шкальмержъ, во Львовѣ, и, наконецъ, въ Іерусалимскую бурсу въ Краковѣ. Но мальчикъ ничему нигдѣ не научился, потому что уже попробовалъ, какъ выражается Тржецекскій, „w dobrem towarzystwie“, т. е., предпочиталъ общество кутилъ и увеселительныя заведенія обществу профессоровъ и душному классу.

Но отца собственно не очень огорчали такіе успѣхи сына; онъ, пожалуй, былъ даже доволенъ, что Mikołaj не очень губить свое здоровье сидѣніемъ надъ книгами. Когда юношѣ неудобно уже было оставаться въ бурсѣ, отецъ его привезъ въ деревню и предоставилъ ему полную свободу. Этого только и нужно было молодому человѣку. Конечно, ни къ одной книжкѣ онъ не притрагивался; все время проводилъ онъ на охотѣ, рыбной ловлѣ, въ верховой ѣздѣ и другихъ развлеченіяхъ. Такъ прошло время до двадцати лѣтъ. Тутъ отецъ и самъ понялъ, что надо же чему-нибудь научить сына, нужно сдѣлать изъ него не сѣраго ziemianina, а настоящаго шляхтича, которому не стыдно было бы, при случаѣ, показаться и въ высшемъ обществѣ. Въ то время лучшимъ мѣстамъ, гдѣ молодые шляхтичи довершали свое воспитаніе, получали свѣтскій лоскъ, были дома вельможъ.

Но Рей пришлось не довершать, а начинать свое воспитаніе и образованіе. Находясь при дворѣ Андрея Тенчинскаго, куда его отдалъ отецъ, въ кругу блестящихъ образованныхъ молодыхъ людей, Рей на каждомъ шагу убѣждался въ своемъ глубокомъ невѣжествѣ; это заставляло страдать самолюбіе самоувѣреннаго и избалованнаго молодого человѣка, и онъ съ усердіемъ началъ наверстывать потерянное. Подъ руководствомъ своего высокообразованнаго патрона Тенчинскаго, Рей началъ учиться; писалъ, читалъ и внимательно вслушивался въ серьезные разговоры. Необыкновенныя способности помогли ему Желая какъ можно скорѣе сравняться съ другими въ образованіи, онъ съ жадностью читалъ все, что попадалось подъ руку. Богатая память удерживала все прочитанное, и это, при отсутствіи всякой системы, произвело у него въ головѣ страшную мѣшанину.

Острый, живой умъ его замѣчалъ смѣшныя, некрасивыя стороны жизни шляхты, и это давало пищу его остроумію. Но, занимаясь самообразованіемъ, Рей не отставалъ отъ веселой компаніи, пилъ, ѣлъ и веселился не меньше другихъ и даже прославился своими выходками, дерзкими и часто неприличными. Желѣзное здоровье выдерживало и кутежи

и бессонныя ночи, проводимыя за чтеніемъ и писаніемъ. Онъ писалъ много, остро, живо, и произведенія его быстро расходились не только среди молодежи.

Сколько времени провелъ Рей у Тенчинскаго, въ точности неизвѣстно. Вернувшись на родину, онъ продолжалъ еще весело жить. Онъ довольно часто бывалъ у Николая Сѣнявскаго, великаго короннаго гетмана, воеводы русскаго, чтобы присмотрѣться къ *ludziom rycerskim**), — хотя самъ влеченія къ военной службѣ не имѣлъ и „палаша никогда не вынималъ, развѣ только для примиренія поссорившихся пріятелей. (Bukowski, Drieje ref. w Polsce t. I, 304). Но время шло, страсти поулеглись, и Рей женился, взявъ за женой два имѣнія — Кобыльское и Сѣнницу, гдѣ большею частью и жилъ. Однако, живой характеръ, привычка къ шумной жизни не давали покоя Рею. Его тянули въ городъ, если теперь не развлеченія, то серьезныя дѣла. Ему хотѣлось знать положеніе государства, дѣла правленія, слышать и видѣть лучшихъ государственныхъ дѣятелей своего времени, поближе изучить общественную жизнь, чтобы, какъ слѣдуетъ исполнять обязанности гражданина, — и Рей не пропускалъ ни одного сейма, ни одного съѣзда.

Его здоровый умъ, ѣдкое остроуміе, находчивость, которая такъ необходима при дворѣ, открыли ему доступъ ко двору и снискали милости короля Сигизмунда. Почести и, главнымъ образомъ, денежные подарки сыпались на Рея отъ короля и вельможъ. Рей сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени. Если мы примемъ во вниманіе то, что намъ извѣстно изъ документовъ о жизни Рея и его отношеніяхъ къ обществу въ деревнѣ и при дворѣ, то предъ нами явится портретъ человѣка далеко не съ симпатичными чертами. Предъ нами является довольно безцеремонный наживатель и, вслѣдствіе этой страсти, — непріятный сутяга. Напримѣръ (приведу здѣсь только нѣкоторые факты): владѣя весьма значительными имѣніями, онъ ими не довольствуется, а беретъ въ аренду имѣнія другихъ, — на этой

*) *rycerski* — рыцарскій, дворянскій, шляхетскій; военный.

почвъ у него нерѣдко возникаютъ судебные процессы. Въ 1542 г. „онъ беретъ въ аренду у своего родственника, Николая Одновскаго, . . . имѣнія Бохотница, Сточевъ и Слотичи въ люблинскомъ краѣ. Изъ-за этаго возникаетъ между обѣими сторонами дѣло . . . , продолжающееся до 1546 г. Въ томъ же году онъ „беретъ у Одновскаго въ аренду Сржедне и Дубовицу за 300 злотыхъ“. (С. Пташицкій. Николай Рей. Нѣск. нов. дан.).

Затѣмъ, безконечныя тяжбы съ католическимъ духовенствомъ, съ монастырями изъ-за десятины или изъ-за пограничныхъ участковъ владѣній, при чемъ Рей, кажется, всегда выигрывалъ; — все это рисуетъ намъ человѣка съ довольно большими и безцеремонными аппетитами. Съ другой стороны, онъ безъ всякаго стѣсненія бралъ все, что только ему ни дарили. Такъ, въ Холмскомъ краю королевскія имѣнія Стайне и Плисковъ въ 1540 г. Сигизмундомъ I отданы въ послѣдственное пользованіе Софіи и Николаю Реямъ съ ихъ сыномъ Христофоромъ. Въ 1544 г. Іеронимъ Шафранецъ, хенцинскій староста, даетъ Рею, въ видѣ пріятельскаго подарка, козовскіе луга, расположенные по берегамъ Ниды. Въ 1545 г. графъ Станиславъ Тенчинскій уступаетъ Рею имѣніе Островъ Холмскаго уѣзда. Въ 1545 г. Николай Рей купилъ за 300 злотыхъ половину деревни Колодзеевъ Галицкаго уѣзда, а въ 1550 г. Арнольдъ Блудницкій даритъ ему другую половину. Въ 1546 г. Сигизмундъ I даетъ Николаю Рею . . . деревню Темеровцы Галицкаго уѣзда (Пташ. новыя данныя) и т. д. и т. д. Но официальной должности при дворѣ онъ не принималъ. Когда его спрашивали объ этомъ, онъ говорилъ, что на службѣ трудно сохранить слѣдующія два сокровища: — свободу и совѣсть. Это очень характерно для той эпохи. Если мы припомнимъ, какіе порядки были при дворѣ и во всей администраціи государства во времена го подства Боны и послѣ нея, то вполне поймемъ Рея. Ясный практическій умъ его видѣлъ всѣ недостатки общества, правительства; во время жизни при дворѣ, на сеймахъ, среди деревенской шляхты его наблюденія обогащались и создали въ его умѣ прекрасную картину жизни польскаго общества, которую

нарисоваль Рей въ самомъ крупномъ и цѣнномъ своемъ трудѣ. Живя въ деревнѣ, Рей продолжалъ читать, писать; былъ рачительнымъ хозяиномъ, основалъ даже два мѣстечка Реевецъ и Окшу, и много времени проводилъ среди своихъ друзей, съ которыми онъ иногда устраивалъ довольно шумныя пирушки. Польскій историкъ Шуйскій видитъ въ образѣ жизни Рея причину, почему онъ не имѣлъ благотвѣтельнаго вліянія на современное общество. „Ты самъ не можешь служить образцомъ, — говоритъ онъ, — а мнѣ велишь жить образцово, — вотъ мысль Польши Оржеховскаго и Рея“ (Szujski *Odrodz. i refor.* 46).

Если въ другое время, къ другому писателю, отъ котораго нужны обществу только произведенія съ ихъ идеями и художественными красотами, нельзя предъявлять такихъ требованій, то ихъ можно предъявить къ писателю времени Рея. Тогда писатель не служилъ своими произведеніями для развлеченія своего и праздныхъ людей; писатель тогда смотрѣлъ на свое дѣло слишкомъ серьезно; онъ не развлекалъ общество, а служилъ ему и училъ его. Особенно, это относится къ писателямъ — моралистамъ, какимъ былъ Рей. Ихъ было мало; это были единицы, но единицы слишкомъ крупныя для того, чтобы на нихъ не смотрѣло все общество, чтобы оно не подмѣчало всѣ ихъ движенія и слова. Общество всегда очень зорко слѣдитъ за тѣми, кто стоитъ у него на виду, и, конечно, современники Рея видѣли, что самъ Рей, въ своей частной жизни, очень далекъ отъ того идеала, который онъ рисуетъ въ своихъ моралистическихъ произведеніяхъ, и, понятно, не всѣ могли съ должною серьезностью относиться къ его произведеніямъ.

Что особенно хорошей репутаціей Рей въ молодости не пользовался, видно изъ того, что во многихъ чопорныхъ домахъ къ нему относились съ предубѣжденіемъ, а двери нѣкоторыхъ и совсѣмъ были закрыты для него. Вотъ что говоритъ объ этомъ Шуйскій: „Сопоставляя данныя извѣстной біографіи (Рея) Тржецецкаго съ бумагами, которыя видѣлъ Юшинскій, съ репутаціей, какой онъ (Рей) пользовался у католиковъ и даже у кальвиновъ, понятна дальнѣйшая его

жизнь, вся въ движеніи, въ эмоціяхъ, спорахъ, въ собраніяхъ, съѣздахъ, въ сеймахъ, жизнь, не очень чистая нравственно, потому что предъ нимъ запирали дома, когда онъ пріѣзжалъ съ очень веселой компаніей пріятелей и пріятельницъ " (Szujski. Ref. i odr. 93).

По политическимъ убѣжденіямъ, высказаннымъ имъ въ сочиненіяхъ, Рей былъ истиннымъ шляхтичемъ, готовымъ все отдать за родину, смотрѣвшій на служеніе отечеству, какъ на священнодѣйствіе, по выраженію Спасовича. Онъ былъ сторонникомъ шляхетской партіи, и защитникомъ правъ пословъ; говорилъ, что каждый шляхтичъ долженъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, служить родинѣ, говорить правду не только вельможамъ, но даже и королю, если тотъ поступаетъ противъ закона. Однако, эти крайнія шляхетскія убѣжденія, высказанныя въ сочиненіяхъ Рея, не мѣшали на дѣлѣ ему быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ вельможами, получать отъ нихъ и отъ короля подарки и не принимать официальнаго участія въ борьбѣ шляхты съ можновладствомъ. Пожалуй, можетъ показаться очень смѣлымъ послѣднее утвержденіе и необоснованнымъ, потому что Рей принималъ дѣятельное участіе въ Піотрковскомъ сеймѣ (1558—9) и въ сеймѣ 1569 г. въ качествѣ посла. Судя по его сочиненіямъ, Рей прекрасно владѣлъ прозой, умѣлъ говорить, поэтому ему поручали говорить первому послѣ короля и примаса И дѣйствит., Рей говорилъ много, умно, блестяще, такъ что заслужилъ общую благодарность падкихъ на увлеченіе блестящей внѣшностью соотечественниковъ. Но посмотримъ, о чемъ говорили на сеймахъ вообще и о чемъ говорилъ Рей.

На сеймѣ 1558—9 г. прежде всего представлялъ общій интересъ вопросъ о неутвержденномъ Римомъ епископѣ куявскомъ Уханскомъ. Но этотъ вопросъ отошелъ на второй планъ, когда заговорили объ экзекуціи, т. е., объ отнятіи у вельможъ и богатѣйшей шляхты отданныхъ имъ въ пользование королевскихъ имѣній, чтобы увеличить доходы государственной казны. Вопросъ этотъ, конечно, поднялъ цѣлую бурю, потому что здѣсь дѣло касалось цѣлыхъ колоссальныхъ состояній, явившихся благодаря щедрости королей. Слѣ-

дующимъ вопросомъ былъ вопросъ о королевской элекціи, — какъ спастись отъ претензій на польскую корону со стороны австрійскаго дома; наконецъ, былъ поднять вопросъ объ аннатахъ, т. е., о шедшихъ въ пользу римской курии процентахъ съ ежегоднаго дохода отъ бенефицій или духовныхъ имѣній.

Далѣе, говорили о Гданскѣ*), который больше льнулъ къ нѣмцамъ, чѣмъ къ Польшѣ. Послѣдній вопросъ былъ поднять также на сеймѣ 1569 г.

На этихъ сеймахъ Рей говорилъ объ элекціи, объ аннатахъ, о Гданскѣ, но ни словомъ не обмолвился объ экзекуціи. Онъ не говорилъ ни за ни противъ. Это, при его любви и умѣнии говорить, кажется очень страннымъ, на первый взглядъ, потому что это именно былъ такой вопросъ, по поводу котораго можно было произнести много самыхъ блестящихъ рѣчей; но, въ дѣйствительности, дѣло очень просто. „Королевскій придворный, еще при жизни Сигизмунда I, онъ былъ щедро пожалованъ нѣсколькими значительными имѣніями. Бона была также къ нему расположена, и Сигизмундъ-Августъ не забывалъ перваго польскаго писателя. Между этими (подаренными) имѣніями, конечно, были такія, которыя можно было подвести подъ общій законъ экзекуціи.“ (Wiktor Czajewski. *Mikołaj Rej*. Warszawa). Вотъ поэтому — то вопросу Рей ничего не говорилъ, за то ловко сумѣлъ отвлечь своими рѣчами общее вниманіе къ вопросамъ, важнымъ, конечно, для государства, но не такъ существеннымъ для него. Это должно поставить въ упрекъ Рею тѣмъ болѣе, что онъ, при своемъ трезвомъ разсудкѣ, не могъ не понимать, что экзекуція необходима, что это поддержитъ государство, пока будетъ установленъ болѣе правильный порядокъ пополненія государственной кассы.

Религіозныя убѣжденія Рея для насъ остаются довольно неопредѣленными. Вращаясь долго среди высшаго общества, въ большей своей части находившагося, какъ мы знаемъ, подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, онъ, безъ сомнѣнія,

*) Gdańsk — Данцигъ.

заразился ими, хотя официально оставался католикомъ. Какъ и многіе другіе, онъ ясно видѣлъ недостатки католическаго духовенства и не могъ удержаться, чтобы не передать свои мысли на бумагѣ. Въ „*Krótkiej rozprawie*“ (1543) онъ выступаетъ противъ ученія о святыхъ (335 ст.), называетъ ученіе священниковъ ложнымъ (386), а преобладаніе духовенства называетъ неволей, въ которую впали предки по неосторожности (449 и слѣд.).

Истинный католикъ не могъ высказывать публично такихъ мыслей.

Что Рей не выступалъ ярымъ поборникомъ какого-нибудь ученія, въ объясненіе этому можно найти нѣсколько причинъ. Во первыхъ, онъ могъ вообще относиться довольно индифферентно къ религіознымъ вопросамъ, потому что, какъ человѣкъ практики и холоднаго разсудка, онъ не находилъ въ себѣ потребности искать въ религіи удовлетворенія высшихъ стремленій своей души, а кромѣ того, онъ, м. б., какъ и многіе изъ его современниковъ, не видѣлъ за религіей великаго государственнаго значенія. Наконецъ, вѣдь онъ былъ вполне сыномъ своего времени. Припомнимъ, въ какомъ неопредѣленномъ положеніи были реформація и католичество при Августѣ, припомнимъ то, что никто не зналъ, какая религія будетъ завтра первенствовать, что нерѣшительность короля лишала возможности людей расчетливыхъ стать на ту или другую сторону, — и намъ станетъ ясно, почему расчетливый, осторожный въ важныхъ дѣлахъ Рей не высказывался опредѣленно въ религіозныхъ вопросахъ. Эта неопредѣленность убѣжденій не позволяла ни католикамъ ни протестантамъ причислить его окончательно къ своей партіи, ни бороться съ нимъ, какъ съ открытымъ врагомъ. а страсть къ насмѣшкамъ, которыми онъ кололъ тѣхъ и другихъ, вызывала несимпатичное отношеніе къ нему, и у обѣихъ сторонъ о немъ сложилось убѣжденіе, какъ о человѣкѣ ненадежномъ. Хотя, собственно, поступки его по отношенію къ католическому духовенству, въ связи съ переложеніемъ псалмовъ на польскій языкъ, по примѣру нововѣрцевъ, и съ нѣкоторыми мѣстами изъ другихъ его

сочиненій дали бы возможность предположить въ немъ скорѣе сторонника новаго ученія, чѣмъ католика; но сочиненія или отдѣльныя мѣста въ нихъ были слишкомъ незначительны для того, чтобы безъ всякаго сомнѣнія можно было его причислить къ нововѣрческой партіи; а то, что высказалъ онъ ясно позже, противорѣчило болѣе раннимъ взглядамъ. Поступки же его по отношенію къ духовенству, по тому времени, не представляли ничего особенно выдающагося. На духовенство вѣдь смотрѣли тогда не какъ на пастырей стада Христова, а какъ на людей, занимающихъ извѣстныя должности, высшія и низшія, и владѣющихъ при этомъ бѣльшими и меньшими имѣніями. Припомнимъ, что высшія духовныя должности раздавались королями въ награду за заслуги свѣтскимъ лицамъ, которыя получали духовное званіе, доходы, а пастырями, конечно, быть и не думали. Словомъ, это были шляхта богатая и бѣдная, и вельможи, — къ нимъ такъ и относились.

Среди шляхты было полное самоуправство; сильный всегда торжествовалъ. А такимъ богатымъ, вліятельнымъ и сильнымъ былъ Рей, и сельское духовенство, особенно, въ его владѣніяхъ было въ полной зависимости отъ него. Его уваженіемъ оно не пользовалось, и, при столкновеніяхъ съ нимъ, онъ проявлялъ свое нерасположеніе довольно грубымъ образомъ, какъ будто имѣлъ дѣло съ обыкновеннымъ сосѣдомъ — шляхтичемъ, т. е., дѣлалъ нѣчто въ родѣ *najazda*, что совсѣмъ не походило на ту культурную борьбу, которую вели съ католиками сторонники новаго ученія. У Рея эта борьба не носила серьезнаго, идейнаго характера; матеріальная, личная подкладка была слишкомъ ясна, и, конечно, никто не могъ придать этой борьбѣ серьезнаго значенія. Онъ даже отдавалъ приходы протестантскимъ пасторамъ, но и это скорѣе обличало въ немъ богача — помѣщика, дѣлающаго въ своихъ владѣніяхъ то, что ему удобнѣе. Вотъ, напр., какія свѣдѣнія сообщаетъ намъ Julian Bukowski въ „Dzieje reformacji w Polsce“. Официальные документы сообщаютъ, что въ наслѣдственной деревнѣ Рея, „kościół приходскій деревянный тѣмъ же

Николаемъ Реемъ изъ Нагловицъ 50 лѣтъ тому назадъ былъ оскверненъ, отнятъ и отданъ для пользованія еретикамъ, лишень всѣхъ украшеній и имущества.“ Въ деревнѣ Сленгинѣ „костелъ приходскій деревянный тѣмъ же Николаемъ Реемъ всего лишень.“ Далѣе, тотъ же (т. е. Рей), основавъ мѣстечко Окшу, устроилъ въ немъ еретическую церковь, присоединивъ къ ней все имущество Сленгина.“ То же было сдѣлано въ Подковицѣ, въ Бобинѣ и др. (т. I, 304, 305).

Нововѣрцы, какъ, напр. Jan z Woźnik отрекались отъ него, не считая его акатоликомъ, но отзываются о немъ все-таки очень сдержанно. Но зато католики его не щадили и называли его „распущеннымъ дьяволомъ, дракономъ изъ Окши, Сарданапаломъ Нагловскимъ, marcholtem, пройдохой, челоуѣкомъ безъ чести и вѣры. (Bukowski, I, 305).

Рей даже на судѣ являлся иногда защитникомъ сторонниковъ новыхъ ученій. Одинъ такой случай рассказываетъ Любичъ: „Такъ, въ Люблинѣ, въ іюнѣ 1564 года, молодой шляхтицъ Эразмъ Отвиновскій во время процессіи въ праздникъ „Тѣла Божія“ вырвалъ у одного изъ священниковъ монстрацію, бросилъ ее на землю и сталъ топтать ногами. На основаніи шляхетскихъ привиллегій Отвиновскаго неслось было арестовать, и, по желанію короля, дѣло о немъ было передано въ сеймовый судъ. Тутъ защитникомъ его явился Николай Рей, который сталъ доказывать, что такъ какъ Отвиновскій обвиняется въ оскорбленіи Бога и священника, то пусть онъ удовлетворитъ послѣдняго за испорченную чашу, а также извинится передъ нимъ; что же касается Бога, то Ему самому слѣдуетъ предоставить отомстить за Себя (!). Онъ самъ накажетъ Отвиновскаго какимъ-либо ужаснымъ образомъ, если, дѣйств., считаетъ Себя оскорбленнымъ. Эти доводы показались судьямъ основательными, и Отвиновскій былъ оправданъ“. (Любичъ. Начало католич. реак. 127—8). Здѣсь можно было бы видѣть слишкомъ свободное, крайнее отношеніе къ вопросамъ религіи со стороны Рея и, пожалуй, грубое, хотя откровенное, выраженіе его религіозныхъ убѣжденій, но вѣдь Рей прекрасно зналъ время, въ какое онъ жилъ, прекрасно

понималъ, съ какими людьми онъ имѣть дѣло, что имъ можно говорить, чего нельзя, и поэтому былъ такъ беззащитенъ и смѣлъ въ своей защитѣ. Съ другой стороны, этотъ фактъ указываетъ, какъ была понята свобода гражданина въ Польшѣ, до чего распущена была шляхта и до чего слаба была какая бы то ни была власть въ государствѣ.

III.

Но Рей дорогъ польской исторіи не какъ общественный дѣятель, а какъ писатель. Рей писалъ много, и большихъ произведеній его насчитывается 15, но изъ нихъ до насъ дошло только семь, потому что при католической реакціи фанатики-реакціонеры безпощадно жгли массами произведенія писателей предшествующей эпохи, въ томъ числѣ и сочиненія Рея; „поэтому о многихъ изъ его произведеній мы знаемъ только изъ упоминаній Тржедецкаго“ (Dub. Hist. I, 205).

Вотъ краткій перечень его произведеній. Въ 1533 г. вышло собраніе псалмовъ, переложенныхъ Реемъ на польскій языкъ. Этотъ трудъ до насъ не дошелъ. Въ 1556 г. — *Postilla polska*, т. е., изложеніе Евангелій недѣльныхъ и на важнѣйшіе праздники. Въ 1565 — *Apokalipsis*. Въ 1545 г. *Żywot Iózefa* въ діалогической формѣ. *Krótka rozprawa między twzemi osobami: panem, wójtem i plebanem*. *Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego* въ 1560 г. *Zwierzyńiec*, въ которомъ подъ видомъ животныхъ представлены люди съ ихъ страстями и привычками. *Zwierciadło*, въ которомъ „каждое сословіе легко можетъ увидѣть себя съ своими дѣлами и привычками“. *Żywot człowieka poczciwego*, появившійся въ 1568 г., за годъ до смерти писателя, произведеніе, составляющее часть *Wizerunka*, но печатаемое отдѣльно, такъ какъ и по содержанию и по языку оно уже представляетъ нѣчто самостоятельное и прекрасно характеризующее какъ автора, такъ и общество его времени.

По смерти Рея, его сочиненія имѣли четыре изданія. Въ 1606 г., Галензовскаго въ Варшавѣ (1828 г.); W Zbiorze Pisarzy Polskich, и въ Библіотекѣ Туровскаго въ Краковѣ (1859 г.).

Въ первыхъ произведеніяхъ, особенно, написанныхъ стихами, языкъ Рея не очень легокъ; отъ точно чувствуетъ себя неловко, дѣлая первые шаги на этомъ новомъ для него поприщѣ общественнаго служенія, но съ теченіемъ времени онъ точно освобождается отъ узъ, и въ своей лебединой пѣснѣ „Żywocie człowieka pocze.“ Рей дастъ намъ блестящій образецъ живой чисто польской рѣчи. „Этотъ языкъ, — говоритъ Дубецкій, — безыскусственный, народный, языкъ деревни; это рѣчь, взятая изъ первоисточника, создавшая позднѣйшій литературный языкъ“ (Dub Hist. I, 210).

Żywot czł. pocze. было последнимъ въ ряду произведеній Рея и является какъ бы плодомъ его долгаго жизненнаго опыта, результатомъ его наблюдений надъ жизнью и людьми. Но для насъ важно это сочиненіе не своею моралью, которая на много ладовъ повторялась въ то время и въ Европѣ и въ Польшѣ. Для насъ важно то, что Żywot с. р. рисуетъ предъ нами картину польской жизни XVI в. со всѣми ея хорошими и дурными сторонами. Лучшую характеристику этого произведенія далъ Мицкевичъ въ 34-й лекціи изъ читанной имъ въ Парижѣ исторіи слав. лит.: „Рей — говоритъ онъ — развиваетъ передъ нашими глазами цѣлую картину жизни въ Польшѣ. Что осталось здѣсь славянскаго, то видно въ предѣлахъ семьи, въ обычаяхъ, привычкахъ, въ добродѣтеляхъ домашнихъ, между которыми отличается гостепріимство; что, собственно, польское, то выступаетъ явно въ дѣлахъ общественныхъ, въ отношеніяхъ обывателя къ краю; что, наконецъ, можно назвать общеевропейскимъ, отраженіе того мы имѣемъ въ картинахъ религіозныхъ и социальных.“ Словомъ, Рей писалъ о томъ, что видѣлъ и, главное, писалъ такъ, какъ говорилъ и „языкъ его, говоритъ Тржевецкій, взятый изъ деревни, понятенъ до сихъ поръ весѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ архаизмовъ, стиль его, — не копія цицероновскихъ періодовъ, до сихъ поръ пре-

лестный своей простотой и свѣжестью, это эхо, приносящее рѣчь людей Сигизмундовскихъ временъ.“

Рей не бюлъ поэтомъ, не былъ художникомъ въ высокомъ смыслѣ этого слова. У него не было чувства художественной мѣры, и нерѣдко его грубыя шутки и остроты поражаютъ своей тяжеловѣсностью. Особенно, отличаются этимъ его Figliki. „Это небольшого размѣра легкіе стишки, отличающіеся бѣльшею грубостью, нежели остальные произведенія М. Рея Грубость автора, его неловкія шутки не знали здѣсь границъ — говоритъ Дубецкій; — самъ онъ считалъ нужнымъ объяснять цѣль написанія этихъ веселыхъ отрывковъ; поэтому онъ говорилъ, что писалъ ихъ исключительно ради языка, чтобы выработать изъ него языкъ литературный, и выражается при этомъ слѣд. образомъ: *A niechaj narodowie wŹdy postronni znaja, Źe Polacy nie gęsi, iŹ swŹj jezyk maja*“ (Dub. Hist. I., I, 208).*)

Кажется, трудно прибавить что-нибудь къ двумъ, только что приведеннымъ отзывамъ.

Рей въ сочиненіи, которое мы намѣрены ниже рассмотреть, рисуетъ польское общество XVI в. двоякимъ способомъ. Съ одной стороны, онъ высказываетъ желанія, чтобы общество дѣлало то или другое, — значить, оно ни того ни другого не дѣлало; или имъ высказывается желаніе, чтобы что-либо дѣлали лучше, — слѣд., въ дѣйствительности было хуже; съ другой стороны, онъ прямо указываетъ, какъ и что дѣлалось. Такимъ образомъ, картина получается полная.

IV.

Żywot czł. poczc. состоитъ изъ трехъ книгъ. Въ первой говорится о воспитаніи и жизни человѣка съ дѣтства до среднихъ лѣтъ. Во второй — о жизни въ среднемъ воз-

*) Пускай всюду и другіе народы знаютъ, что поляки не гуси, — и свой языкъ имѣютъ.

раствѣ. Въ третьей разсматривается жизнь и поведеніе человека въ старости и до самой смерти.

Отдѣлъ о воспитаніи дѣтей авторъ начинаетъ мыслью, что воспитаніе дѣтей должно вестись съ глубокой осмотрительностью, обдуманно, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя полагаться только на свое родительское чутье. Жизнь духовная человѣка находится въ неразрывной связи съ жизнью физической, поэтому слѣдуетъ обращать очень серьезное вниманіе на физическое воспитаніе ребенка. Родители должны разузнавать характеръ своихъ дѣтей, хотя бы по внѣшнимъ признакамъ, чтобы ориентироваться въ приѣмахъ воспитанія. Важно, чтобы сами матери, a zwłaszcza które są przyrodzenia dobrego, сами кормили своихъ дѣтей. Если же это невозможно, то слѣдуетъ выбирать кормилицъ вполне здоровыхъ и тѣломъ и душой, которыя бы содѣйствовали развитію хорошихъ сторонъ въ характерѣ ребенка. На него слѣдуетъ дѣйствовать лаской, а не угрозой. Пища должна соответствовать характеру ребенка, т. е., не должно давать сангвинику возбуждающей, а флегматику успокаивающей, чтобы не увеличить недостатковъ того или другого темперамента. Не слѣдуетъ также баловать ребенка виномъ и изысканными кушаньями, которыя разрушительно дѣйствуютъ на силы и здоровье человѣка. Платье должно быть просто и свободно. Когда ребенокъ начинаетъ подрастать, опять же не слѣдуетъ обращаться съ нимъ очень строго, чтобы не забить его характера и ума. Слѣдуетъ беречь его отъ глупыхъ и часто развращающихъ разговоровъ слугъ; надо исподволь, шутя учить его молитвамъ, такъ что у него уже будетъ нѣкоторый запасъ латинскихъ словъ, что ему впослѣдствіи очень пригодится. Разумное нравственное воспитаніе, полученное въ дѣтствѣ, кладетъ отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь человѣка. Наконецъ, когда придетъ время учить мальчика, надо найти ему честнаго и серьезнаго наставника, который могъ бы ему легко и толково излагать науки. Лучше подольше воспитывать мальчика дома, чтобы уберечь его отъ растлѣвающего вліянія часто дурного школьнаго товарищества. И не нужно съ дѣтства

9) забивать голову мальчика twar데미 i wichrowatemi naukami*), потому что онъ произведутъ у него въ головѣ только путаницу. „Я думаю — замѣчаетъ Рей, — что грамматика съ логикой и старому подѣ-часъ становятся противны“. Должно остерегаться воспитываемаго отъ свободнаго толкованія священнаго писанія и, конечно, тяжкій грѣхъ — сомнѣваться въ божественности происхожденія св. писанія и въ существованіи Бога.

1) 1. 2. 3. 4) 5) 6) 7) 8) 9) 10) 11) 12) 13) 14) 15) 16) 17) 18) 19) 20) 21) 22) 23) 24) 25) 26) 27) 28) 29) 30) 31) 32) 33) 34) 35) 36) 37) 38) 39) 40) 41) 42) 43) 44) 45) 46) 47) 48) 49) 50) 51) 52) 53) 54) 55) 56) 57) 58) 59) 60) 61) 62) 63) 64) 65) 66) 67) 68) 69) 70) 71) 72) 73) 74) 75) 76) 77) 78) 79) 80) 81) 82) 83) 84) 85) 86) 87) 88) 89) 90) 91) 92) 93) 94) 95) 96) 97) 98) 99) 100) 101) 102) 103) 104) 105) 106) 107) 108) 109) 110) 111) 112) 113) 114) 115) 116) 117) 118) 119) 120) 121) 122) 123) 124) 125) 126) 127) 128) 129) 130) 131) 132) 133) 134) 135) 136) 137) 138) 139) 140) 141) 142) 143) 144) 145) 146) 147) 148) 149) 150) 151) 152) 153) 154) 155) 156) 157) 158) 159) 160) 161) 162) 163) 164) 165) 166) 167) 168) 169) 170) 171) 172) 173) 174) 175) 176) 177) 178) 179) 180) 181) 182) 183) 184) 185) 186) 187) 188) 189) 190) 191) 192) 193) 194) 195) 196) 197) 198) 199) 200) 201) 202) 203) 204) 205) 206) 207) 208) 209) 210) 211) 212) 213) 214) 215) 216) 217) 218) 219) 220) 221) 222) 223) 224) 225) 226) 227) 228) 229) 230) 231) 232) 233) 234) 235) 236) 237) 238) 239) 240) 241) 242) 243) 244) 245) 246) 247) 248) 249) 250) 251) 252) 253) 254) 255) 256) 257) 258) 259) 260) 261) 262) 263) 264) 265) 266) 267) 268) 269) 270) 271) 272) 273) 274) 275) 276) 277) 278) 279) 280) 281) 282) 283) 284) 285) 286) 287) 288) 289) 290) 291) 292) 293) 294) 295) 296) 297) 298) 299) 300) 301) 302) 303) 304) 305) 306) 307) 308) 309) 310) 311) 312) 313) 314) 315) 316) 317) 318) 319) 320) 321) 322) 323) 324) 325) 326) 327) 328) 329) 330) 331) 332) 333) 334) 335) 336) 337) 338) 339) 340) 341) 342) 343) 344) 345) 346) 347) 348) 349) 350) 351) 352) 353) 354) 355) 356) 357) 358) 359) 360) 361) 362) 363) 364) 365) 366) 367) 368) 369) 370) 371) 372) 373) 374) 375) 376) 377) 378) 379) 380) 381) 382) 383) 384) 385) 386) 387) 388) 389) 390) 391) 392) 393) 394) 395) 396) 397) 398) 399) 400) 401) 402) 403) 404) 405) 406) 407) 408) 409) 410) 411) 412) 413) 414) 415) 416) 417) 418) 419) 420) 421) 422) 423) 424) 425) 426) 427) 428) 429) 430) 431) 432) 433) 434) 435) 436) 437) 438) 439) 440) 441) 442) 443) 444) 445) 446) 447) 448) 449) 450) 451) 452) 453) 454) 455) 456) 457) 458) 459) 460) 461) 462) 463) 464) 465) 466) 467) 468) 469) 470) 471) 472) 473) 474) 475) 476) 477) 478) 479) 480) 481) 482) 483) 484) 485) 486) 487) 488) 489) 490) 491) 492) 493) 494) 495) 496) 497) 498) 499) 500) 501) 502) 503) 504) 505) 506) 507) 508) 509) 510) 511) 512) 513) 514) 515) 516) 517) 518) 519) 520) 521) 522) 523) 524) 525) 526) 527) 528) 529) 530) 531) 532) 533) 534) 535) 536) 537) 538) 539) 540) 541) 542) 543) 544) 545) 546) 547) 548) 549) 550) 551) 552) 553) 554) 555) 556) 557) 558) 559) 560) 561) 562) 563) 564) 565) 566) 567) 568) 569) 570) 571) 572) 573) 574) 575) 576) 577) 578) 579) 580) 581) 582) 583) 584) 585) 586) 587) 588) 589) 590) 591) 592) 593) 594) 595) 596) 597) 598) 599) 600) 601) 602) 603) 604) 605) 606) 607) 608) 609) 610) 611) 612) 613) 614) 615) 616) 617) 618) 619) 620) 621) 622) 623) 624) 625) 626) 627) 628) 629) 630) 631) 632) 633) 634) 635) 636) 637) 638) 639) 640) 641) 642) 643) 644) 645) 646) 647) 648) 649) 650) 651) 652) 653) 654) 655) 656) 657) 658) 659) 660) 661) 662) 663) 664) 665) 666) 667) 668) 669) 670) 671) 672) 673) 674) 675) 676) 677) 678) 679) 680) 681) 682) 683) 684) 685) 686) 687) 688) 689) 690) 691) 692) 693) 694) 695) 696) 697) 698) 699) 700) 701) 702) 703) 704) 705) 706) 707) 708) 709) 710) 711) 712) 713) 714) 715) 716) 717) 718) 719) 720) 721) 722) 723) 724) 725) 726) 727) 728) 729) 730) 731) 732) 733) 734) 735) 736) 737) 738) 739) 740) 741) 742) 743) 744) 745) 746) 747) 748) 749) 750) 751) 752) 753) 754) 755) 756) 757) 758) 759) 760) 761) 762) 763) 764) 765) 766) 767) 768) 769) 770) 771) 772) 773) 774) 775) 776) 777) 778) 779) 780) 781) 782) 783) 784) 785) 786) 787) 788) 789) 790) 791) 792) 793) 794) 795) 796) 797) 798) 799) 800) 801) 802) 803) 804) 805) 806) 807) 808) 809) 810) 811) 812) 813) 814) 815) 816) 817) 818) 819) 820) 821) 822) 823) 824) 825) 826) 827) 828) 829) 830) 831) 832) 833) 834) 835) 836) 837) 838) 839) 840) 841) 842) 843) 844) 845) 846) 847) 848) 849) 850) 851) 852) 853) 854) 855) 856) 857) 858) 859) 860) 861) 862) 863) 864) 865) 866) 867) 868) 869) 870) 871) 872) 873) 874) 875) 876) 877) 878) 879) 880) 881) 882) 883) 884) 885) 886) 887) 888) 889) 890) 891) 892) 893) 894) 895) 896) 897) 898) 899) 900) 901) 902) 903) 904) 905) 906) 907) 908) 909) 910) 911) 912) 913) 914) 915) 916) 917) 918) 919) 920) 921) 922) 923) 924) 925) 926) 927) 928) 929) 930) 931) 932) 933) 934) 935) 936) 937) 938) 939) 940) 941) 942) 943) 944) 945) 946) 947) 948) 949) 950) 951) 952) 953) 954) 955) 956) 957) 958) 959) 960) 961) 962) 963) 964) 965) 966) 967) 968) 969) 970) 971) 972) 973) 974) 975) 976) 977) 978) 979) 980) 981) 982) 983) 984) 985) 986) 987) 988) 989) 990) 991) 992) 993) 994) 995) 996) 997) 998) 999) 1000) 1001) 1002) 1003) 1004) 1005) 1006) 1007) 1008) 1009) 1010) 1011) 1012) 1013) 1014) 1015) 1016) 1017) 1018) 1019) 1020) 1021) 1022) 1023) 1024) 1025) 1026) 1027) 1028) 1029) 1030) 1031) 1032) 1033) 1034) 1035) 1036) 1037) 1038) 1039) 1040) 1041) 1042) 1043) 1044) 1045) 1046) 1047) 1048) 1049) 1050) 1051) 1052) 1053) 1054) 1055) 1056) 1057) 1058) 1059) 1060) 1061) 1062) 1063) 1064) 1065) 1066) 1067) 1068) 1069) 1070) 1071) 1072) 1073) 1074) 1075) 1076) 1077) 1078) 1079) 1080) 1081) 1082) 1083) 1084) 1085) 1086) 1087) 1088) 1089) 1090) 1091) 1092) 1093) 1094) 1095) 1096) 1097) 1098) 1099) 1100) 1101) 1102) 1103) 1104) 1105) 1106) 1107) 1108) 1109) 1110) 1111) 1112) 1113) 1114) 1115) 1116) 1117) 1118) 1119) 1120) 1121) 1122) 1123) 1124) 1125) 1126) 1127) 1128) 1129) 1130) 1131) 1132) 1133) 1134) 1135) 1136) 1137) 1138) 1139) 1140) 1141) 1142) 1143) 1144) 1145) 1146) 1147) 1148) 1149) 1150) 1151) 1152) 1153) 1154) 1155) 1156) 1157) 1158) 1159) 1160) 1161) 1162) 1163) 1164) 1165) 1166) 1167) 1168) 1169) 1170) 1171) 1172) 1173) 1174) 1175) 1176) 1177) 1178) 1179) 1180) 1181) 1182) 1183) 1184) 1185) 1186) 1187) 1188) 1189) 1190) 1191) 1192) 1193) 1194) 1195) 1196) 1197) 1198) 1199) 1200) 1201) 1202) 1203) 1204) 1205) 1206) 1207) 1208) 1209) 1210) 1211) 1212) 1213) 1214) 1215) 1216) 1217) 1218) 1219) 1220) 1221) 1222) 1223) 1224) 1225) 1226) 1227) 1228) 1229) 1230) 1231) 1232) 1233) 1234) 1235) 1236) 1237) 1238) 1239) 1240) 1241) 1242) 1243) 1244) 1245) 1246) 1247) 1248) 1249) 1250) 1251) 1252) 1253) 1254) 1255) 1256) 1257) 1258) 1259) 1260) 1261) 1262) 1263) 1264) 1265) 1266) 1267) 1268) 1269) 1270) 1271) 1272) 1273) 1274) 1275) 1276) 1277) 1278) 1279) 1280) 1281) 1282) 1283) 1284) 1285) 1286) 1287) 1288) 1289) 1290) 1291) 1292) 1293) 1294) 1295) 1296) 1297) 1298) 1299) 1300) 1301) 1302) 1303) 1304) 1305) 1306) 1307) 1308) 1309) 1310) 1311) 1312) 1313) 1314) 1315) 1316) 1317) 1318) 1319) 1320) 1321) 1322) 1323) 1324) 1325) 1326) 1327) 1328) 1329) 1330) 1331) 1332) 1333) 1334) 1335) 1336) 1337) 1338) 1339) 1340) 1341) 1342) 1343) 1344) 1345) 1346) 1347) 1348) 1349) 1350) 1351) 1352) 1353) 1354) 1355) 1356) 1357) 1358) 1359) 1360) 1361) 1362) 1363) 1364) 1365) 1366) 1367) 1368) 1369) 1370) 1371) 1372) 1373) 1374) 1375) 1376) 1377) 1378) 1379) 1380) 1381) 1382) 1383) 1384) 1385) 1386) 1387) 1388) 1389) 1390) 1391) 1392) 1393) 1394) 1395) 1396) 1397) 1398) 1399) 1400) 1401) 1402) 1403) 1404) 1405) 1406) 1407) 1408) 1409) 1410) 1411) 1412) 1413) 1414) 1415) 1416) 1417) 1418) 1419) 1420) 1421) 1422) 1423) 1424) 1425) 1426) 1427) 1428) 1429) 1430) 1431) 1432) 1433) 1434) 1435) 1436) 1437) 1438) 1439) 1440) 1441) 1442) 1443) 1444) 1445) 1446) 1447) 1448) 1449) 1450) 1451) 1452) 1453) 1454) 1455) 1456) 1457) 1458) 1459) 1460) 1461) 1462) 1463) 1464) 1465) 1466) 1467) 1468) 1469) 1470) 1471) 1472) 1473) 1474) 1475) 1476) 1477) 1478) 1479) 1480) 1481) 1482) 1483) 1484) 1485) 1486) 1487) 1488) 1489) 1490) 1491) 1492) 1493) 1494) 1495) 1496) 1497) 1498) 1499) 1500) 1501) 1502) 1503) 1504) 1505) 1506) 1507) 1508) 1509) 1510) 1511) 1512) 1513) 1514) 1515) 1516) 1517) 1518) 1519) 1520) 1521) 1522) 1523) 1524) 1525) 1526) 1527) 1528) 1529) 1530) 1531) 1532) 1533) 1534) 1535) 1536) 1537) 1538) 1539) 1540) 1541) 1542) 1543) 1544) 1545) 1546) 1547) 1548) 1549) 1550) 1551) 1552) 1553) 1554) 1555) 1556) 1557) 1558) 1559) 1560) 1561) 1562) 1563) 1564) 1565) 1566) 1567) 1568) 1569) 1570) 1571) 1572) 1573) 1574) 1575) 1576) 1577) 1578) 1579) 1580) 1581) 1582) 1583) 1584) 1585) 1586) 1587) 1588) 1589) 1590) 1591) 1592) 1593) 1594) 1595) 1596) 1597) 1598) 1599) 1600) 1601) 1602) 1603) 1604) 1605) 1606) 1607) 1608) 1609) 1610) 1611) 1612) 1613) 1614) 1615) 1616) 1617) 1618) 1619) 1620) 1621) 1622) 1623) 1624) 1625) 1626) 1627) 1628) 1629) 1630) 1631) 1632) 1633) 1634) 1635) 1636) 1637) 1638) 1639) 1640) 1641) 1642) 1643) 1644) 1645) 1646) 1647) 1648) 1649) 1650) 1651) 1652) 1653) 1654) 1655) 1656) 1657) 1658) 1659) 1660) 1661) 1662) 1663) 1664) 1665) 1666) 1667) 1668) 1669) 1670) 1671) 1672) 1673) 1674) 1675) 1676) 1677) 1678) 1679) 1680) 1681) 1682) 1683) 1684) 1685) 1686) 1687) 1688) 1689) 1690) 1691) 1692) 1693) 1694) 1695) 1696) 1697) 1698) 1699) 1700) 1701) 1702) 1703) 1704) 1705) 1706) 1707) 1708) 1709) 1710) 1711) 1712) 1713) 1714) 1715) 1716) 1717) 1718) 1719) 1720) 1721) 1722) 1723) 1724) 1725) 1726) 1727) 1728) 1729) 1730) 1731) 1732) 1733) 1734) 1735) 1736) 1737) 1738) 1739) 1740) 1741) 1742) 1743) 1744) 1745) 1746) 1747) 1748) 1749) 1750) 1751) 1752) 1753) 1754) 1755) 1756) 1757) 1758) 1759) 1760) 1761) 1762) 1763) 1764) 1765) 1766) 1767) 1768) 1769) 1770) 1771) 1772) 1773) 1774) 1775) 1776) 1777) 1778) 1779) 1780) 1781) 1782) 1783) 1784) 1785) 1786) 1787) 1788) 1789) 1790) 1791) 1792) 1793) 1794) 1795) 1796) 1797) 1798) 1799) 1800) 1801) 1802) 1803) 1804) 1805) 1806) 1807) 1808) 1809) 1810) 1811) 1812) 1813) 1814) 1815) 1816) 1817) 1818) 1819) 1820) 1821) 1822) 1823) 1824) 1825) 1826) 1827) 1828) 1829) 1830) 1831) 1832) 1833) 1834) 1835) 1836) 1837) 1838) 1839) 1840) 1841) 1842) 1843) 1844) 1845) 1846) 1847) 1848) 1849) 1850) 1851) 1852) 1853) 1854) 1855) 1856) 1857) 1858) 1859) 1860) 1861) 1862) 1863) 1864) 1865) 1866) 1867) 1868) 1869) 1870) 1871) 1872) 1873) 1874) 1875) 1876) 1877) 1878) 1879) 1880) 1881) 1882) 1883) 1884) 1885) 1886) 1887) 1888) 1889) 1890) 1891) 1892) 1893) 1894) 1895) 1896) 1897) 1898) 1899) 1900) 1901) 1902) 1903) 1904) 1905) 1906) 1907) 1908) 1909) 1910) 1911) 1912) 1913) 1914) 1915) 1916) 1917) 1918) 1919) 1920) 1921) 1922) 1923) 1924) 1925) 1926) 1927) 1928) 1929) 1930) 1931) 1932) 1933) 1934) 1935) 1936) 1937) 1938) 1939) 1940) 1941) 1942) 1943) 1944) 1945) 1946) 1947) 1948) 1949) 1950) 1951) 1952) 1953) 1954) 1955) 1956) 1957) 1958) 1959) 1960) 1961) 1962) 1963) 1964) 1965) 1966) 1967) 1968) 1969) 1970) 1971) 1972) 1973) 1974) 1975) 1976) 1977) 1978) 1979) 1980) 1981) 1982) 1983) 1984) 1985) 1986) 1987) 1988) 1989) 1990) 1991) 1992) 1993) 1994) 1995) 1996) 1997) 1998) 1999) 2000) 2001) 2002) 2003) 2004) 2005) 2006) 2007) 2008) 2009) 2010) 2011) 2012) 2013) 2014) 2015) 2016) 2017) 2018) 2019) 2020) 2021) 2022) 2023) 2024) 2025) 2026) 2027) 2028) 2029) 2030) 2031) 2032) 2033) 2034) 2035) 2036) 2037) 2038) 2039) 2040) 2041) 2042) 2043) 2044) 2045) 2046) 2047) 2048) 2049) 2050) 2051) 2052) 2053) 2054) 2055) 2056) 2057) 2058) 2059) 2060) 2061) 2062) 2063) 2064) 2065) 2066) 2067) 2068) 2069) 2070) 2071) 2072) 2073) 2074) 2075) 2076) 2077) 2078) 2079) 2080) 2081) 2082) 2083) 2084) 2085) 2086) 2087) 2088) 2089) 2090) 2091) 2092) 2093) 2094) 2095) 2096) 2097) 2098) 2099) 2100) 2101) 2102) 2103) 2104) 2105) 2106) 2107) 2108) 2109) 2110) 2111) 2112) 2113) 2114) 2115) 2116) 2117) 2118) 2119) 2120) 2121) 2122) 2123) 2124) 2125) 2126) 2127) 2128) 2129) 2130) 2131) 2132) 2133) 2134) 2135) 2136) 2137) 2138) 2139) 2140) 2141) 2142) 2143) 2144) 2145) 2146) 2147) 2148) 2149) 2150) 2151) 2152) 2153) 2154) 2155) 2156) 2157) 2158) 2159) 2160) 2161) 2162) 2163) 2164) 2165) 2166) 2167) 2168) 2169) 2170) 2171) 2172) 2173) 2174) 2175) 2176) 2177) 2178) 2179) 2180) 2181) 2182) 2183) 2184) 2185) 2186) 2187) 2188) 2189) 2190) 2191) 2192) 2193) 2194) 2195) 2196) 2197) 2198) 2199) 2200) 2201) 2202) 2203) 2204) 2205) 2206) 2207) 2208) 2

жизнь, нужно стараться избавиться отъ недостатковъ молодости, — стремленія къ новизнѣ, слѣдованія больше чувству, чѣмъ разсудку. При этихъ недостаткахъ легко впасть въ ошибку и, чтобы избавить себя отъ нея, нужно строго взвѣшивать все, что видишь и слышишь, такъ сказать, учиться на живомъ примѣрѣ; не дѣлать ничего безцѣльнаго, чтобы каждое слово не было пустымъ звукомъ, а имѣло серьезное значеніе. У такого человѣка всегда найдется много друзей, и ему не нужно будетъ, какъ другимъ, привлекать къ себѣ людей виномъ, охотой и всякаго рода увеселеніями. Его личныя достоинства будутъ привлекать окружающихъ; выбирать себѣ друзей слѣдуетъ очень осторожно, въ виду того, какъ легко ошибиться при разнообразіи и несходствѣ человѣческихъ характеровъ; и эта разборчивость не есть недостатокъ, а достоинство благо-разумнаго человѣка.

Далѣе идетъ разсужденіе о томъ, что добродѣтель и умъ — съ одной стороны, а счастье — съ другой, далеко не одно и то же. Счастье или, вѣрнѣе, удача, нужно и каждому ремесленнику; но человѣкъ съ развитымъ умомъ не долженъ полагаться только на свое счастье, которое часто ведетъ къ достиженію личныхъ выгодъ; нѣтъ, такой человѣкъ долженъ работать, полагаясь на свои силы, стараясь быть полезнымъ не только себѣ, но, главнымъ образомъ, другимъ. Однако, чтобы дѣятельность была, дѣйств., полезна. необходимо ему раньше намѣтить себѣ опредѣленную цѣль и прилагать къ достиженію ея всѣ усилія; добродѣтель составляетъ первое достоинство порядочнаго человѣка, и добродѣтельный человѣкъ не долженъ зарывать своего таланта въ землю, т. е., долженъ стараться и другихъ людей дѣлать добродѣтельными, что должно служить его главною цѣлью. Поэтому молодой человѣкъ, путешествующій за границей, долженъ не только восхищаться красотами чужой природы и прелестями свободной жизни, но также учиться добрымъ нравамъ, чтобы, по возвращеніи на родину, приложить свое нравственное и умственное развитіе къ дѣлу. Поселившись въ своемъ

имѣнны, такой молодой человѣкъ имѣетъ возможность не предаваться праздности и пьянству, какъ дѣлаетъ большинство. Будучи болѣе образованнымъ, чѣмъ сосѣди, онъ долженъ развивать ихъ умственно и нравственно. При этомъ должно быть заботливымъ и умнымъ хозяиномъ, и вотъ только при такомъ образѣ жизни онъ пожнетъ сладкіе плоды строгаго воспитанія юности.

Если же деревня надоѣстъ, или захочется ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ общественныхъ, можно поступить или ко двору или въ войско. Но опять же вездѣ и всегда нужна осторожность, особенно, при дворѣ, гдѣ господствуютъ двуличность и интриги. Лучше ни съ кѣмъ не вступать въ очень близкія дружескія отношенія; но если пришлось, то осторожность все-таки всегда должна быть на первомъ планѣ. Только исполняя свои обязанности и обладая хорошимъ образованіемъ, можно заслужить милости короля и выдвинуться среди придворныхъ. Въ военной службѣ можно приучиться къ дисциплинѣ, аккуратности и выносливости. Въ мирное время военные, стоя по квартирамъ, не должны грабить мирныхъ обывателей, какъ разбойники. Они должны проводить свободное время на охотѣ, въ военныхъ упражненіяхъ и въ веселыхъ пріятельскихъ пирушкахъ, не переходящихъ въ безобразія.

Когда же вернется молодой человѣкъ изъ военной службы домой, онъ долженъ стараться не быть неприятнымъ для своихъ домашнихъ, неприятнымъ вслѣдствіе привычки къ разгульной холостой жизни на службѣ. Нужно опять приняться за чтеніе, и вообще самообразование должно быть цѣлью всей жизни człowieka poczciwego.

Но вотъ наступаетъ вполне зрѣлый возрастъ. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ можетъ быть женатымъ, вдовымъ, холостымъ и находится въ незаконномъ сожителствѣ. Конечно, самое пріятное для Бога и достойное человѣка — быть женатымъ. Поэтому молодой человѣкъ, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, долженъ жениться. Жену слѣдуетъ брать во всемъ равную себѣ: изъ того же сословія, соотвѣт-

ственного образованія, состоянія и съ высокими нравственными качествами. Только въ такомъ случаѣ возможна согласная жизнь, составляющая счастье домашняго очага. Хорошая жена есть даръ Божій. Поэтому мужъ и долженъ смотрѣть на такую жену, именно, какъ на даръ Божій, какъ на человѣка, достойнаго глубокаго уваженія, никогда не давать повода къ размолвкѣ и служить ей примѣромъ во всемъ хорошемъ.

Женившись и занявшись хозяйствомъ, нельзя, однако, жить подобно медвѣдю въ берлогѣ. Слѣдуетъ знать, во первыхъ, свои права владѣнія; знать не только для огражденія ихъ отъ покушеній недоброжелателей, но и для того, чтобы не перейти границъ въ ущербъ сосѣдямъ. Во вторыхъ, czł. pocz. долженъ принимать участіе въ правленіи, въ сеймѣ. Если случится ему быть посломъ, то онъ долженъ хорошо вдуматься въ свои обязанности, долженъ проникнуться сознаніемъ важности и отвѣтственности своего поста, зорко охранять интересы своихъ довѣрителей и вполне заслужить названіе „стража Рѣчи Посполитой“. Такъ, конечно, слѣдуетъ поступать при исполненіи всѣхъ обязанностей, не боясь непріятностей, даже, м. б., убытковъ, потому что Богъ не оставитъ его, и не видано, „aby sprawiedliwy był kiedy opuszczon, a pokolenie jego aby szukało chleba“. Кромѣ того, принимая участіе въ дѣлахъ правленія, нужно быть честнымъ человѣкомъ еще потому, что такими людьми только и держится государство. Если Богъ захочетъ za złości i niesprawiedliwości уничтожить государство, то онъ отниметъ у него сильныхъ, мудрыхъ, справедливыхъ и честныхъ людей, а на ихъ мѣсто поставитъ людей слабоумныхъ и бездѣльныхъ, которые легко сами погубятъ свое государство.

Имѣя всегда въ виду высокую цѣль — благосостояніе отечества, должно совѣтовать королю то, что можетъ принести пользу, а не льстить самолюбію его, какъ дѣлаютъ это многіе. Если же близкій къ королю человѣкъ замѣтитъ въ немъ или невѣріе или мало заботы о славѣ Божіей, то, оставивъ всякій страхъ, честный придворный долженъ

упрекнуть короля въ отступленіи отъ правой вѣры и стараться вернуть его на путь истины.

Далѣе, почти такимъ же проступкомъ со стороны короля является недостатокъ заботы о справедливости среди подданныхъ. Произойдетъ ли это отъ нерадѣнія или по недосмотру короля, честный совѣтникъ его обязанъ сказать ему объ этомъ. Слѣдуетъ предостерегать короля отъ самомирія, гордости и отъ покушенія на права и свободу своихъ подданныхъ, чтобы не потерять ихъ любви и уваженія, такъ какъ вся его сила заключается въ ихъ преданности. Если жизнь короля развратна, безбожна, вообще недостойна его высокаго положенія, если его окружають льстецы, — обязанность сенатора указывать королю недостойность его поведенія и оберегать отъ вреднаго и растлѣвающего вліянія льстецовъ.

Итакъ, мы видѣли, каково должно быть поведеніе człowieka poczciwy, если ему придется быть причастнымъ къ дѣлу правленія и вообще быть лицомъ официальнымъ. Теперь перейдемъ къ шляхтицу вообще. Прежде всего, въ чемъ состоитъ истинное шляхетство? — Конечно, не только въ древности рода, не только въ перстиѣ и печати, не только въ пышно украшенномъ гербѣ на воротахъ; — если при всемъ этомъ, онъ ведетъ безчестную, развратную и безбожную жизнь, — онъ не можетъ считаться истиннымъ шляхтичемъ. Истинное шляхетство имѣетъ три признака, или, выражаясь словами Рея *na tych trzech rzeczach ten nazacniejszy klejnot należy: na zacności narodu zacnych przodków swoich, na rozroptnem cwiczeniu, a to nawięcej, gdy to jeszcze k'temu wszystko ozdobbie a z pięknemi przystojnościami umie na sobie okazać* (Rej. Żywot czł. p. 109).*) Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ гордиться своимъ шляхетствомъ, такъ какъ такой человекъ всѣмъ своимъ поведеніемъ только смѣшитъ разумныхъ людей, а достоинства и уваженія этимъ больше не приобрѣтетъ. Напротивъ, скромное благородство невольно вызываетъ уваженіе и къ положенію шляхтича и къ его личности.

*) т. е., эта величайшая драгоценность (= шляхетство) имѣетъ три вещи, т. е. признака: знатность предковъ, прекрасное воспитаніе и умѣнье обнаружить въ себѣ все это изящно и благопристойно.

3
4
а)
б)
- 2
в
1

Главное достоинство шляхтича — справедливость, къ которой остальные достоинства должны стекаться, какъ рѣки въ море. Гдѣ появится справедливость, тамъ исчезаетъ корыстолюбіе, гнѣвъ, тамъ человѣкъ удерживаетъ столь присущую ему зависть. Алчность — первый недостатокъ, * отъ котораго трудно, но отъ котораго непремѣнно слѣдуетъ уберечься. Причины, вызывающія этотъ общераспространенный и разъѣдающій общественный организмъ недостатокъ, слѣд.: страсть къ дорогимъ нарядамъ и упряжи; частые и безумно дорого стоящіе пиры. Каждый шляхтичъ жаждетъ внѣшняго блеска, и эта жажда такъ велика, что заставляетъ всѣхъ, — и богатыхъ и бѣдныхъ, жить не по средствамъ, вводить въ неоплатные долги и разоряетъ много старыхъ шляхетскихъ родовъ. Вторая причина жажды денегъ — роскошные пиры, оканчивающіеся, обыкновенно, попойкой, или какъ просто выражается Рей, niepomierne pijaństwo, отъ котораго człowiek poczciwy, долженъ уходить, чтобы не тратить попусту времени и не терять своего достоинства. Алчность, которая заставляетъ употреблять всѣ средства для добыванія денегъ, для поддержки и увеличенія блеска, порождаетъ ни на чемъ не основанную гордость или, вѣрнѣе, заносчивость, вызывающую различныя непріятныя столкновенія, нерѣдко переходящія въ ссоры. Но человѣкъ, не стремящійся къ минутной славѣ, не желающій удивлять своимъ мнимымъ богатствомъ, легко преодолѣетъ въ себѣ эту страсть къ золоту, что и долженъ дѣлать каждый порядочный человѣкъ

Изъ всего вышесказаннаго, однако, не слѣдуетъ, что schl. poczci. долженъ вѣчно быть нахмуреннымъ, подозрительно смотрѣть на людей и съ самымъ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ сидѣть въ обществѣ, осторожно взвѣсивая каждое слово свое и чужое, каждую шутку. Такой человѣкъ былъ бы невыносимъ въ обществѣ и, въ свою очередь, вызывалъ бы къ себѣ подозрительность собесѣдниковъ. Нѣтъ, можно и самому быть веселымъ, самому можно шутить, но опять нужна благоразумная осторожность и выдержка, которая дается порядочнымъ воспитаніемъ. Шутка должна быть

2.

а) остроумна, весела, но, сохрани Богъ, не груба и обидна. Вѣдь можно грубой, неумѣстной шуткой оскорбить человѣка больше, чѣмъ рукой. Отсутствіе воспитанія, чѣмъ отличались во время Рея почти всѣ помѣщики средней руки, наложило свою печать и на ихъ шутки. Считалось очень остроумнымъ залить другому kampustem глаза, вымазать жиромъ губы сосѣду, изрѣзать на куски шапку, изорвать платье или, когда кто-либо потянется къ свѣчкѣ, чтобы закурить, — погасить передъ самымъ носомъ свѣчу и т. п.

3) Если же człowiek rzeczywiście замѣтитъ въ себѣ какіе-нибудь недостатки, свойственные окружающему его обществу, онъ долженъ преодолѣть въ себѣ стремленіе къ дурному и помогать въ этомъ дѣлѣ другимъ. To najlepszy doktor, co się sam uleczy.

а) Умѣнье владѣть собой ставится въ большую заслугу человѣку. При помощи развитого ума, можно всегда умѣрить свои страсти и во всемъ сохранять должную мѣру и спокойствіе. Иногда можно, даже должно разгнѣваться, но не дѣтскимъ гнѣвомъ, вспыхивающимъ изъ-за пустяка и часто выходящимъ изъ границъ; гнѣваться слѣдуетъ, когда нужно наказать виновнаго за что-либо серьезное и для исправленія его. А гнѣвъ безразсудный служить источникомъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ. Для борьбы съ окружающимъ зломъ нужны вѣрные друзья, и Рей даетъ самое подробное руководство, какъ отличить истиннаго друга.

4) Теперь, присмотрѣвшись къ людямъ, устроивъ свое положеніе и обзаведясь хорошими друзьями, слѣдуетъ приняться за дѣланіе добра. Прежде всего. — заботиться о поднятіи нравственнаго уровня общества, а потомъ. — приносить по возможности и матеріальную пользу.

5) Если, при помощи Божіей, ты окажешься способнымъ къ вышеописанному образу жизни и приобрѣтешь славу człow. pocze., то и долженъ беречь свою славу, не уклоняться съ истиннаго пути, „nie unoś że swej statecznej myśli ani na lewo ani na prawo od niego.“

Czł. pocz. долженъ быть для общества, „jasną swieczą, na wysokim miejscu postawioną“, т. е., долженъ служить для всѣхъ примѣромъ, поэтому онъ долженъ быть крайне осторожнымъ въ своихъ поступкахъ и твердымъ въ убѣжденіяхъ.

Затѣмъ, идутъ разсужденія относительно того, какъ должно проводить свою личную жизнь въ каждое время года, описанія сельско-хозяйственныхъ работъ; при чемъ и здѣсь нужно быть примѣромъ для сосѣдей, вліять на нихъ словомъ и дѣломъ. Надо тщательно слѣдить за аккуратнымъ исполненіемъ работъ, производимыхъ въ каждое время года, слѣдить самому, не очень довѣря наемнымъ людямъ. Но среди работъ развлеченія необходимы для сохраненія здоровья и всегда свѣжей и ясной мысли. Весною и лѣтомъ развлеченія носятъ, такъ сказ, болѣе мирный характеръ. Въ эти времена года и хлопоты по хозяйству утомительнѣе и интереснѣе, и уже одинъ видъ оживающей и развивающейся природы доставляетъ неисчерпаемыя наслажденія. Другое дѣло — осень и зима. Теперь можно доставить себѣ и болѣе шумныя, болѣе сложныя удовольствія. Конечно, во главѣ всего стоитъ — охота. Рей съ увлеченіемъ говоритъ о ней и краснорѣчиво описываетъ прелести и пользу этого рода развлеченій.

Но придетъ время, когда человекъ, устроивъ свое хозяйство и завоевавъ себѣ извѣстное положеніе и значеніе въ обществѣ, захочетъ, наконецъ, вести жизнь спокойную и свободную отъ тяжелыхъ заботъ. Однако, не слѣдуетъ и теперь оставаться совершенно бездѣтельнымъ и безполезнымъ для общества. „Nie bądź też jako pień przy drodze nikomu niepożyteczny“*), говоритъ Рей. Собирай у себя общество, умѣй быть любезнымъ и умнымъ собесѣдникомъ и учи тому же другихъ. И теперь, какъ и всегда, чтеніе — самое пріятное и самое полезное занятіе. Хотя развлеченія въ этомъ возрастѣ стоятъ далеко не на первомъ планѣ, однако, рѣшительно отказывать себѣ въ нихъ совѣмъ не слѣдуетъ;

*) не будь, какъ пень у дороги, никому не приносящій пользы.

только они должны соответствовать возрасту и достоинству человека.

Незамѣтно подкрадывается старость. Величавое сознание собственного достоинства, продолжительный опыт жизни, образованность вызываютъ глубокое уваженіе со стороны окружающихъ. Поэтому человекъ, достигшій этого возраста, долженъ вести себя такъ, чтобы служить для всѣхъ предметомъ уваженія и источникомъ мудрости, а не дѣлаться посмѣшищемъ, не стать „ową fabulą, co powiadają, iż stary szalony dwakroć szalony“.*) Слѣдуетъ однимъ своимъ присутствіемъ дѣйствовать благотворно на общество. „Albowiem patrz, gdy ujrzysz człowieka poczciwego, poważnego i szedziwego, już się go i wszetecznik i nikczemnik jakoś ułęknać musi (281).**) Но причина такого вліянія старика не только въ сѣдыхъ волосахъ, не въ морщинистомъ лицѣ, а въ его нравственныхъ достоинствахъ. „Bo najdziesz drugiego z siwą brodą tak szalonego, jako i z gagatkową (281)***).

Оканчивая тяжелый путь жизни, человекъ уже долженъ подумывать о томъ, что будетъ, когда придетъ смерть. Вниманіе окружающихъ не должно занимать его; теперь на первомъ планѣ — довершеніе самоусовершенствованія; должно углубиться въ себя, познать свои недостатки и стараться подойти къ концу достойнымъ награды за żywot poczciwy. При этомъ, углубляясь въ себя, не слѣдуетъ оставлять доступнаго старости труда, такъ какъ трудъ есть лучшее средство исправленія и источникъ истиннаго счастья.

Приближающаяся смерть не должна страшить człowieka poczciwego. Сознаніе исполненнаго долга, сознаніе того, что на его совѣсти нѣтъ ни одного пятна, должно придавать ему смѣлость — прямо смотреть въ глаза смерти. Какъ жизнь для człowieka poczciwego есть трудъ, такъ смерть —

*) поговоркой, въ которой говорится, что старикъ шальной — дважды шальной.

**) Вѣдь замѣтъ, что, увидѣвъ благороднаго, почтеннаго и въ преклонномъ возрастѣ человека, и развратникъ и бездѣльникъ его испугаются (вѣрите, постѣсняются).

***) смыслъ: можешь встрѣтить и старика такъ же вѣтреннаго, какъ юноша.

избавленіе отъ тяготы житейской. Кромѣ того, смерть неизбѣжна для всего въ мірѣ, поэтому человѣкъ долженъ въ теченіе жизни привыкнуть къ мысли о ней и радоваться, на закатѣ дней, ея приближенію. Всѣ непріятности старческаго возраста не должны озлоблять человѣка; онѣ только скорѣе могутъ привести къ желанному концу — смерти. Нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, что это бренное тѣло омертвѣетъ и уничтожится; — душа будетъ невредимо жить за гробомъ. Тѣло погибнетъ „ale duszy twojej, tak jako członkowi bożemu, która zawždy w opiece pańskiej jest, nie zaszkodzić ani się jej dotknąć nie może“*).

Далѣе Рей опять повторяетъ увѣщаніе учиться и читать, чтобы познать свое положеніе и свои обязанности, чтобы понять, что ты и кто ты. Этимъ и заканчивается разбираемое нами сочиненіе.

Итакъ, образованность, постоянное стремленіе къ самосовершенствованію, честность, бозкорыстное служеніе на пользу отечества, рачительное веденіе хозяйства и аккуратная жизнь — вотъ обязанности czł. poczciwego. Это идеаль, къ которому долженъ стремиться каждый шляхтичъ. Насколько далеко или близко было общество отъ этого идеала, станетъ достаточно ясно, если мы припомнимъ то, что было сказано въ первой половинѣ этого очерка.

Если же мы сравнимъ взгляды, высказанные Реемъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи, съ его жизнью, то подтвердится вполне указанная раньше двойственность въ авторѣ. Только съ одной стороны одинаковъ Рей какъ въ жизни, такъ и въ сочиненіяхъ. Вездѣ предъ нами — очень осторожный человѣкъ и рачительный хозяинъ; это веселый собесѣдникъ, обладающій прекраснымъ здоровьемъ, веселымъ характеромъ; это остроумный и самоувѣренный самоучка. „Nie święci garnki lepią“**) — думаетъ Рей“, говоритъ Шуйскій,

*) но душѣ твоей, какъ органу Бога, которая всегда находится подъ защитою Его, ничто не можетъ повредить и ничто не можетъ даже дотронуться до нея.

**) не святые горшки обжигаютъ (букв. лѣпятъ).

5 — и началъ поучать современниковъ, говоря на родномъ простомъ, еще грубоватомъ языкѣ, и далъ толчекъ къ разработкѣ сокровищъ родной рѣчи, далъ начало національной литературѣ.

9) Если не достигъ онъ цѣли, какъ моралистъ; если ничего не далъ безсмертнаго, какъ художникъ, — то онъ создалъ литературный польскій языкъ, и въ этомъ его великая заслуга.

Опечатки.

Стр.	напечатано	слѣд. читать
5	опредѣлилось	опредѣлилась
	видили	видимъ
6	деморализацій	деморализаціей
8	бросали	бросили
10	зомысель	замысель
11	приходило	проходило
12	обратился въ	обратился къ
14	начнутя	начнутя
15	докторную	докторскую
16	Достатто	Достатокъ
17	первостоиичнику	первоисточнику
18	являлась	являлась
24	приблизать	приблизить
	истремлены	устремлены
26	деревенская жизнь	деревенская жизнь,
	полное отсутствие	полное отсутствіе
27	лучшимъ мѣстамъ	лучшимъ мѣстомъ
29	карактерло	характерно
36	tvzemi	trzemі
38	бюль	быль
	груботью	грубостью
39	учить	учить
43	очала	очага
44	шляхтицу	шляхтичу
45	сосредотченнымъ	сосредоточеннымъ
47	Въ эти	Въ эти.

Est.
A-10314